

INSPIRIA

ФИНАЛИСТ ПРЕМИИ
«АВРОРА»

КРЕЙГ ДИЛУИ

ОДИН ВЪЗНАС

18+

INSPIRIA

Universum. Перекресток миров

Крейг Дилуи

Один из нас

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Дилуи К.

Один из нас / К. Дилуи — «Эксмо», 2018 — (Universum.
Перекресток миров)

ISBN 978-5-04-105822-7

Эпидемия новой болезни, которая закончила эпоху хиппи и Лета любви, вызвала появление массовых мутаций у новорожденных. Рога, шерсть, клыки, когти и хвосты. Брошенные родителями, они вырастают в аутсайдеров, которые содержатся в спецшколах и игнорируются обществом. Наступили консервативные восьмидесятые. Терпение мутантов на исходе, у них начинают просыпаться сверхспособности, и любая случайность может вызвать вспышку насилия... С самого рождения его называют монстром. Родители отдали Еноха Брайанта в приют и он живет с другими такими же подростками. Они зовут его Псом. Енох любит своих друзей, даже если учителя боятся их. Они - представители подрастающего поколения детей чумы. Каждый несет свою собственную экстремальную генетическую мутацию. Люди в соседнем городе ненавидят Еноха, но он не знает почему. Он никогда никому не причинял вреда. Много работает и не создает проблем. Он верит, что однажды заслужит уважение и признание. Но ненависть умирает тяжело. Напряжение между миром Пса и миром "нормальных" горожан растет. И найденное тело может стать той искрой, из которой возгорится пламя революции... Читайте напряженный эмоциональный триллер о конфликте существ с супергеройскими способностями и простых людей на фоне ретро-восьмидесятых годов. Это история потерянного поколения, в котором каждый только хотел быть одним из нас. «Потрясающее достижение в литературе художественного вымысла». - Shelf Awareness «Душераздирающая история о ненависти, страхе и правде. Автор бесстрашно исследует темные территории человеческого сердца». - Джонатан Мейберри

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-105822-7

© Дилуи К., 2018

© Эксмо, 2018

Содержание

Монстры	7
Глава первая	8
Глава вторая	10
Глава третья	14
Глава четвертая	18
Глава пятая	22
Глава шестая	27
Глава седьмая	32
Глава восьмая	36
Глава девятая	41
Глава десятая	45
Глава одиннадцатая	49
Глава двенадцатая	53
Глава тринадцатая	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Крейг Дилуи

Один из нас

*Посвящается Крис Маррс
и моим замечательным детям,
чья любовь – мой хлеб насущный.
1984*

Craig DiLouie
One of Us

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2018 by Craig DiLouie

© Иванов В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Монстры

*Мы ходим на двух ногах, не на четырех.
Ходить на четырех – нарушать закон.*

– Ойngo Бойнго, «Не проливай крови» (альбом «На благо души», 1983)

Глава первая

На директорском столе – выпуск «Тайм». С обложки улыбается четырнадцатилетняя девочка. Косички, завязанные голубыми лентами. Крупные белые зубы, веснушки. Упругие шипастые отростки, торчащие из глазниц.

Внизу всего лишь одно слово: «ПОЧЕМУ?»

Почему это произошло? Или, может быть, – почему мир позволил подобному ребенку жить дальше?

Однако Пса интересовало другое: почему она улыбалась?

Возможно, это был просто рефлекс, когда она увидела направленную на нее камеру. Возможно, ей нравилось быть в центре внимания, пусть даже не слишком-то лестного.

Возможно, хотя бы на эти несколько секунд она почувствовала себя особенной.

Солнце Джорджии вовсю палило через мутные зарешеченные окна. Железный вентилятор в углу с гудением месил густой теплый воздух. За окном Пес заметил старый ржавый пикап, по крышу заросший полевыми цветами. Когда-то его любили, а потом припарковали здесь и оставили умирать. Если бы у Пса была такая машина, он ехал бы и ехал и не останавливался бы никогда.

Открылась дверь. Вошел человек из правительства, в черном костюме и белой рубашке с сине-желтым галстуком. Скользкие от геля волосы приглажены назад. Сверкающие ботинки прощелкали по замызанному полу. Он сел в скрипучее кресло директора Уилларда и закурил сигарету. Шлепнул на стол папку с документами и принялся изучать Пса сквозь голубоватую дымку.

– Тебя зовут Псом, – наконец произнес он.

– Да, сэр. В смысле, другие ребята меня так зовут.

При разговоре Пес слегка подрыкивал, но следил за тем, чтобы слова звучали как надо. Учителя позаботились о том, чтобы он говорил правильно. Мозг как-то сказал ему, что такие признаки человеческого – единственное, благодаря чему дети еще живы.

– Но при крещении тебя называли Енохом. Твое настоящее имя Енох Дэвис Брайант.

– Верно, сэр.

Енохом его называли учителя в Доме. Мозг говорил, что это его рабская кличка. Тем не менее Псу это имя нравилось. Ему повезло, что оно у него было. Мать испытывала к нему достаточно любви, чтобы сделать для него хотя бы это. Многие родители, отдавая своих детей в Дома, называли их просто «Икс», «Игрек» или «Зед».

– Я агент Шеклтон, – проговорил человек сквозь новое облако дыма. – Бюро тератологических исследований. Ты уже знаком с нашей процедурой, не так ли?

Каждый год правительство присылало своего служащего, который задавал детям вопросы. Выяснял, остались ли они еще людьми. Не хочется ли им сделать кому-нибудь больно, не бывает ли у них плотских мыслей относительно нормальных девочек и мальчиков, и прочее в том же духе.

– Да, – сказал Пес. – Я знаю процедуру.

– В этот год все будет по-другому, – сообщил агент. – На этот раз я пришел выяснить, нет ли в тебе чего-нибудь особенного.

– Я не очень хорошо понимаю вас, сэр.

Агент Шеклтон оперся локтями о стол.

– Ты находишься на попечении штата. Таких, как ты, больше миллиона. Вы все уже четырнадцать лет живете в Домах в свое удовольствие, катаетесь там как сыр в масле. И вот сейчас, наконец, у некоторых из вас начали проявляться определенные способности.

– Какие это?

– Например, мне однажды довелось видеть парнишку, у которого были жабры и он мог дышать под водой. Другой мог слышать разговоры за милю от себя.

– Да ну! – недоверчиво протянул Пес.

– Вот именно.

– В смысле, как какие-нибудь супергерои?

– Да. Как Человек-паук. Если бы Человек-паук был хотя бы наполовину похож на настоящего паука.

– Я никогда ни о чем таком не слышал, – сказал Пес.

– Так вот, Енох, если у тебя имеются такие способности, ты мог бы доказать, что тебя здесь кормят не зря. Это твой шанс расплатиться за свое содержание. Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Да... наверное.

Удовлетворенный, Шеклтон откинулся в кресле и возложил ноги на столешницу. Папку с документами он положил себе на колени, лизнул палец и принялся листать. Не отрываясь от чтения, достал черную авторучку и несколько раз пощелкал ею.

– Неплохие отметки, – произнес он. – Математика, правописание... Ведешь ты себя тихо... Ну хорошо. Расскажи мне, что ты умеешь делать. А еще лучше, покажи.

– Что я умею делать, сэр?

– Сделай это для меня, и я сделаю что-нибудь для тебя. Я возьму тебя в особенное место.

Пес мельком бросил взгляд на красную дверь в боковой стене, потом снова обратил лицо к Шеклтону. Даже смотреть в ту сторону считалось дурной приметой. Красная дверь вела вниз, в подвал, в помещение под названием «Дисциплинарная». Туда отправляли проблемных детей.

Он никогда не бывал там внутри, но слышал рассказы. Все дети их слышали. Директор Уиллард хотел, чтобы они это знали. Это входило в их обучение.

Осторожно он произнес:

– А что это за место?

– Это место, где много еды и есть телевизор. Место, где тебя никто никогда не потревожит.

Мозг всегда говорил, что нужно подыгрывать нормалам, чтобы не угодить в их систему. Они специально пишут свои правила таким образом, чтобы заманить тебя в Дисциплинарную. Но еще больше Пес желал показать себя. Он хотел быть особенным.

– Ну я очень быстро бегаю. Спросите кого угодно.

– То есть в этом состоит твой особый талант. Ты быстро бегаешь.

– Очень быстро! Это считается?

Агент улыбнулся.

– В том, чтобы быстро бегать, нет ничего особенного. Абсолютно ничего.

– Спросите у любого, как быстро я бегаю! Спросите у...

– Ты не особенный, Пес. И никогда не будешь особенным.

– Я не понимаю, чего вы хотите от меня, сэр.

Улыбка Шеклтона исчезла вместе с папкой, где содержались бумаги на Пса.

– Я хочу, чтобы ты убрался к черту с глаз моих долой. Пришли ко мне следующего монстра, когда будешь выходить.

Глава вторая

Загрязнение окружающей среды. Инфекции. Наркотики. Радиация. Все эти вещи, сообщил им мистер Бенсон, стоя возле доски, могут служить причиной мутации у эмбриона.

Какая-то бактерия привела к появлению чумного поколения. К появлению других детей: чумных, тех, что живут в Домах.

Эми Грин поерзала, сидя за партой. У нее опять чесалась макушка. Мама говорила, что если она не прекратит ее тереть, то дочешется до лысины. Поэтому Эми удовлетворилась тем, что намотала на палец прядь длинных темных волос и принялась дергать, наслаждаясь иголочками боли, пронзающими кожу головы.

– Чума относится к болезням, которые передаются половым путем, – сообщил мистер Бенсон классу.

Эми уже кое-что знала об этом из курса истории Америки и из того, что ей рассказывала мама. Чума началась в 1968 году, за два года до ее рождения, в те времена, когда любовь еще была свободной. Потом заболевание, получившее название тератогенез, прокатилось по планете, и явилось поколение чумных детей.

Один из десяти тысяч детей, рожденных в 1968 году, был монстром, и большинство из таких детей умерло. В 1969-м это был уже один из шести, и умерла половина. В 1970-м – один из трех; в этот год ученые изобрели тест, чтобы определить, есть ли у тебя заболевание. Большинство этих детей остались в живых. После того как была арестована медсестра, убившая тридцать младенцев в тexasском роддоме, уровень выживаемости резко пошел вверх.

Больше миллиона чудовищных детей вопило, требуя, чтобы их покормили. К этому времени Конгресс уже выделил фонды на организацию системы Домов.

Прошло четырнадцать лет, а лекарства по-прежнему не изобрели. Если ты подцепил бациллу, единственным стопроцентным методом не распространять ее дальше было воздержание – чему их и учили здесь, на уроках гигиены. Для тех же, кому случалось забеременеть, аборт был обязателен.

Эми раскрыла учебник и склонилась над ним, вдыхая густой, пикантный аромат новой книги. Книжки, отточенные карандаши, линованная бумага: невеселые запахи, которые ассоциировались у нее со школой. На странице была изображена репродуктивная система женщины. Вот отсюда появляются дети. Ее приятель Джейк, сидевший рядом, взглянул на страницу, улыбнулся и покраснел. Завороженный и смущенный всем этим, как и она сама.

В старших классах половое воспитание было обязательным предметом, без каких-либо оговорок или оправданий. Эми и ее одноклассницы, спотыкаясь, преодолевали период полового созревания. Тампоны, набухающие груди, мучительные ночные мысли; бесконечные разговоры о том, что мальчикам нравится и чего они хотят.

У Эми уже имелось некоторое представление о том, чего они хотят. Другие девочки постоянно делали ей комплименты, говоря, какая она красивая. Мальчики разглядывали ее, когда она шла по коридору. Все были с ней так милы все время! Но она никому не верила. Стоя голой перед зеркалом, Эми видела в себе одни лишь изъяны. На прошлой неделе она обнаружила на своей коже прыщ и целый час не сводила с него глаз, ненавидя собственное уродство. Каждое утро у нее уходило по часу, чтобы привести себя в порядок перед школой. Она не выходила из дому до тех пор, пока не убеждалась, что выглядит идеально.

Эми перевернула страницу. Ее встретила широкая улыбка очередного монстра. Эми со стуком захлопнула книгу.

Мистер Бенсон спросил у класса, видел ли кто-нибудь из них чумного ребенка своими глазами, не по телевизору или в журнале, а вблизи, лицом к лицу. Поднялось несколько рук. Эми крепко прижала ладони к парте.

– В этом году, дети, я собираюсь достичь с вами двух целей, – сообщил им учитель. – Главное – это научить вас, как избежать распространения заболевания. Мы будем много говорить о безопасном сексе и изучим все правила насчет того, как это делать и делать ли вообще. Кроме этого, я намерен помочь вам почувствовать себя более комфортно в отношении тех чумных детей, которые уже родились и которым сейчас столько же лет, что и вам.

Сколько Эми себя помнила, чумные дети всегда жили в общих домах где-то за городом, подальше от людей. Один такой дом располагался всего лишь в восьми милях от Хантсвилла, но с тем же успехом он мог бы находиться на Луне. В городе монстры никогда не появлялись. И хотя это не помогало людям полностью забыть об их существовании, всегда проще не думать о том, что не лезет на глаза.

– Начнем с чумных детей, – продолжал мистер Бенсон. – Что вы о них думаете? Говорите по правде, все как есть.

Роб Роуленд поднял руку:

– Они не люди. Просто животные.

– Вот как? Ты смог бы застрелить такого ребенка и съесть его? Или прибить его голову у себя на стене?

Дети засмеялись, представив себе Роба, который настолько проголодался, что готов съесть монстра. Роб был толстым и умным и к тому же много потел, что не прибавляло ему популярности.

Эми содрогнулась, охваченная приступом омерзения.

– Ненавижу их! Ужасные твари.

Смех замолк. И хорошо, потому что в чуме нет ничего смешного.

Учитель скрестил руки на груди.

– Продолжай, Эми. Только нет нужды так кричать. Почему ты их ненавидишь?

– Потому что они монстры, вот почему! Я их ненавижу, потому что они монстры.

Повернувшись, мистер Бенсон застучал по доске куском мела: «„MONSTRUM“ – НАРУШЕНИЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА ВЕЩЕЙ. ОТ СЛОВА „MONEO“ – „ПРЕДОСТЕРЕГАТЬ“».

– Имеется в виду предостережение о том, что Бог разгневан и наказывает людей за нарушение табу, – объяснил он. – Тератогенез – это природа, вышедшая из строя. Заболевание переделало их тела. Поменяло правила. Монстры? Возможно. Но обязательно ли монстр – это зло? Что вообще такое человек – внешний вид или поступки? Что делает человека человеком?

Бонни Филдс подняла руку.

– Я однажды видела такого. Даже не поняла, мальчик это или девочка. И не стала задерживаться, чтобы выяснить.

– Но увидела ли ты в нем что-либо плохое?

– Ну уж не знаю. Но если подумать, на что они бывают похожи, я не могу понять, почему доктора оставили им жизнь. Если бы им позволили умереть, это было бы актом милосердия!

– Причем по отношению ко всем нам, – пробормотал кто-то у Эми за спиной. По классу снова прокатился смех.

Рука Салли Элбод взвилась вверх.

– Не понимаю, что вас всех так пугает. Я постоянно вижу этих детей на отцовской ферме. Они странные, но в них нет ничего такого. Работают хорошо, проблем не создают. Дети как дети.

– Очень хорошо, Салли, – сказал учитель. – А теперь я хотел бы вам кое-что показать.

Открыв шкафчик у стены, он вытащил из него большую стеклянную банку и поставил на стол. Внутри, в желтоватой жидкости, плавал ребенок. Между его ног торчал крохотный пенис. Маленькие ручонки сжимали пустоту. Узкая щель единственного глаза прорезала лицо над гладким местом, где должен был находиться нос.

Дети, как один, втянули в себя воздух. Половина класса отпрянула, вторая половина наклонилась вперед, чтобы лучше рассмотреть. Очарование и отвращение. Только Эми не двигалась. Она сидела замерев, пораженная ужасом увиденного.

Она ненавидела этого малыша. Даже мертвого.

– Это Тони, – объявил учитель. – И, представьте себе, он не был чумным. Просто один из несчастных детей, которые родились с дефектом. Около трех процентов новорожденных, появляющихся на свет каждый год, выглядят вот так. Врожденные дефекты – причина смерти одного из пяти новорожденных.

Послышались смешки. «Тони!». Кое-кому из ребят показалось странным, что вот этому дали имя.

– Раньше считалось, что эмбрион развивается в матке в полной изоляции, – продолжал учитель. – Затем, еще в шестидесятых, одна немецкая компания начала продавать беременным женщинам талидомид, чтобы помочь им справиться с утренней тошнотой. Десять тысяч детей родились с деформациями конечностей. Половина из них умерла. Какой урок из этого вывели ученые? Ну, кто-нибудь?

– Лекарство, которое принимает женщина, может повредить ее ребенку, даже если оно не вредит ей самой, – сказал Джейк.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Бенсон. – Лекарства, отравляющие вещества, вирусы – все это мы называем факторами воздействия окружающей среды. Однако в большинстве случаев врачи понятия не имеют, почему рождаются такие дети, как Тони. Это просто происходит: случайность, орел или решка. Итак, можно ли назвать Тони монстром? А если ребенок умственно отсталый или от рождения не способен пользоваться ногами? Что, ребенок в инвалидной коляске тоже монстр? А как насчет детей, рожденных глухими или слепыми?

Желающих ответить не нашлось. Класс сидел притихший и погруженный в размышления. Удовлетворенный, мистер Бенсон понес банку обратно к шкафу. Снова послышались приглушенные возгласы, когда маленький Тони заплескался в жидкости, словно пытаясь выбраться наружу.

Учитель нахмурился, водворяя банку обратно на полку.

– Я удивлен тем, что это вас так расстраивает. Если вы выходите из равновесия даже из-за этого, как же вы будете жить бок о бок с чумными детьми? Когда они вырастут и станут взрослыми, у них будут такие же права, как и у вас. Они будут жить среди вас.

Эми застыла за партой, ее шею свело от напряжения при одной мысли о чем-то подобном. В уме сам собой сформировался вопрос:

– А если мы не захотим жить с ними?

Мистер Бенсон указал на банку.

– Этот ребенок – ты. И одновременно не ты. Если бы Тони выжил, он был бы не таким, как мы, это верно. Но все же он был бы тобой.

– Я думаю, мы несем за них ответственность, – сказал Джейк.

– Кто это – мы? – поинтересовалась Эми.

То, что он начал ей возражать, слегка уязвило девочку, но она знала, что у Джейка всегда есть собственное мнение и что он любит поспорить. Он носил кожаные куртки, черные футболки с принтами каких-то неизвестных групп и драные джинсы. Его лучшие друзья, Трой и Мишель, были черными. Джейк был популярен, потому что не боялся быть непопулярным. Эми уважала его за это, ей нравилось, как он попирает железные правила школы. А также то, что он не расстилался перед ней, как все остальные мальчишки.

– Ты знаешь, что я имею в виду, – ответил ей Джейк. – Человеческую расу. Мы их создали, и теперь мы за них в ответе, очень просто.

– Я никого не создавала! Это сделало старшее поколение. Почему эти уродцы – моя проблема?

– Потому что им плохо. Мы все знаем, каково им приходится. Представь, если бы ты была одной из них!

– Я не хочу, чтобы им было плохо, – возразила Эми. – Правда не хочу. Просто я не хочу видеть их рядом с собой. И что, это делает меня плохим человеком?

– Я не говорил, что это делает тебя плохим человеком, – отозвался Джейк.

Арчи Гейнс поднял руку.

– Мне кажется, Эми в чем-то права, мистер Бенсон. На них действительно тошно смотреть. В смысле, я как-нибудь смогу с этим жить... наверное. Но требовать от нас любви и понимания – это чересчур.

– Справедливо, – сказал мистер Бенсон.

Арчи повернулся, чтобы посмотреть на Эми. Она кивнула в знак благодарности, и его лицо озарилось победоносной ухмылкой. Он решил, что вызволил ее из затруднительной ситуации и теперь она ему должна. Чтобы угасить его надежды, Эми обдала его отработанным ледяным взглядом, и он отвернулся, словно получил пощечину.

– Мне они кажутся просто интересными, – сказал Джейк. – Больше интересными, чем пугающими. Как вы и сказали, мистер Бенсон: как бы они ни выглядели, они наши братья. Я не откажу в помощи слепому человеку и, наверное, чумному ребенку тоже.

Учитель кивнул.

– Хорошо. Ладно, на сегодня хватит дискуссий. Повторю еще раз: мои задачи относительно вас в этом году сводятся к двум вещам. Одна – чтобы вы свыклись с существованием чумных детей. Смогли отличать книгу от обложки. Вторая – научить вас, как не плодить новых.

Джейк повернулся к Эми и подмигнул ей. Ее щеки вспыхнули, все раздражение на его счет как рукой сняло.

Она надеялась, что в будущем ее ждет меньше разговоров о монстрах и гораздо больше сексуального обучения. Слушая продолжающееся бормотание мистера Бенсона, она пролистала первые несколько страниц нового учебника. Ей на глаза попался заголовок: «ПОЦЕЛУИ».

Ей уже был известен закон относительно секса. Независимо от того, есть у тебя бацилла или нет, легально дети в штате Джорджия вступали в брачный возраст в четырнадцать лет. Однако еще один закон гласил, что если ты хочешь секса, то сперва ты должен провериться на бациллу. И если тебе еще не исполнилось восемнадцать, твои родители должны дать письменное согласие на проверку.

С поцелуями, однако, можно было обойтись без всех этих заморочек. Так там было написано, черным по белому. Этим можно заниматься в любой момент, когда ты только пожелаешь. При мысли об этом у нее опять зачесалась макушка. Эми потянула себя за волосы, наслаждаясь колючими иголочками.

Она позволила себе жадный взгляд на красивый профиль Джейка. Хотя ей хотелось бы пойти гораздо, гораздо дальше этого, она никогда не сможет позволить себе ничего больше поцелуев. Она никогда не узнает, каково это – почесать там, где действительно чешется.

Никто, кроме ее мамы, не знал, что Эми тоже чумная.

Глава третья

Болван¹ видел смешное в чем угодно. Ему нравилось смотреть на светлую сторону вещей. Он радовался тому, что видит мир не так, как другие, – а это было не так уж сложно, если принять во внимание, что его лицо было перевернуто. Когда он улыбался, его спрашивали, что случилось. Когда он грустил, люди думали, что он смеется над ними.

Стоя перед зеркалом в спальном бараке, он воздел зажатую в руке зубную щетку, как бы салютуя ей:

– К чистке зубов готовы, сэр!

Он принялся за дело. «Давай быстрее!» – заворчали другие дети, ожидавшие своей очереди.

Сжав зубы, Болван принялся работать щеткой вдвое быстрее, но заканчивать не торопился.

– Фмотвифе, как быфтво я фиффю вубы!

Именно из-за таких выходов он заработал свое прозвище и получил некоторый статус в среде, начисто лишенной каких-либо развлечений. Ему нравилось веселить других детей. Если у него не получалось добиться этого, он начинал их доставать, чтобы посмеяться самому.

В конце концов в ванную ввалился Кроха – самый крупный ребенок в Доме. Отпихнув одного из других детей, он занял позицию перед зеркалом.

Болван тут же заткнулся и задрал лицо вверх, чтобы прополоскать горло и сплюнуть. Доставая других, следовало соблюдать границы, в особенности когда рядом находился такой ребенок, как Кроха. В Доме запрещалось прибегать к насилию, однако до тех пор, пока никто не мешал учителям делать свое дело, они предпочитали смотреть на нарушения сквозь пальцы. Если ты шел к учителю, чтобы пожаловаться на то, что тебя побили, тебя вполне мог ждать подзатыльник и заверение, что все это входит в программу обучения.

Ну ничего. Он и так сделал достаточно для одного дня. Сегодня было весело! Бюро прислало к ним агента для ежегодного интервью. Болван попытался разыграть перед ним лебезящего чудика, но не встретил понимания – агент попался серьезный. Не сумев заставить его смеяться, Болван решил поддоставать его самым лучшим способом, который знал.

– Я агент Шеклтон, – представился служащий, закуривая сигарету. – Бюро тератологических исследований. Ты уже...

– ...знаком с нашей процедурой, не так ли? – подхватил Болван. – Конечно знаком, сэр. Агент нахмурился.

– Ну хорошо. Это хорошо. Но в этот год все будет по-другому, Джефф. Я здесь, чтобы выяснить...

– ...нет ли в тебе чего-нибудь особенного, – закончил Болван. – Нет. Ничего такого во мне нет, к моему большому сожалению.

Брови агента Шеклтона сдвинулись еще ближе.

– Каким образом...

– ...ты это делаешь? Я не знаю, что вы имеете в виду, сэр.

– Ты заканчиваешь...

– ...за меня каждое мое предложение.

– Вот! Опять! Ты хоть...

– ...сам понимаешь, что делаешь это? Но что я делаю, сэр?

И он разразился хохотом – воющий, скрежещущий звук, похожий, как сказал ему один из учителей, на вопли мула, которого насилуют четверо верблюдов.

¹ Болван – Goof – англ. – дурень, тупица. Здесь говорящее прозвище.

Агент Шеклтон бледно улыбнулся, словно до него дошел смысл шутки.

– Спасибо, Джефф. На сегодня хватит.

Болван обнаружил свой талант примерно полгода назад, когда принялся заканчивать фразы за мисс Оливер на уроке истории. К концу урока ее челюсть практически лежала на полу. Весь класс лопался от хохота. Они не могли поверить в то, что это действительно происходит.

Ну погоди, что-то они скажут, когда узнают, что он сыграл ту же шутку с человеком из Бюро! Скоро он станет героем местных легенд!

Болван разделся и с удовлетворенным вздохом забрался в постель. Вокруг стоял гул голосов – ребята тоже укладывались спать. Старая койка заскрипела, когда он принялся устраиваться поудобнее на засаленном матрасе. Пару минут спустя выключили свет.

«Герой местных легенд», – подумал он, уплывая в сон.

Он проснулся от того, что чья-то рука трясла его за плечо.

– Подъем, красавчик!

В комнате было темно. Ночь еще не закончилась.

– Что такое? Что происходит?

Он узнал мистера Гейнса, стоящего с одной стороны кровати. По другую сторону стоял мистер Боуи. Учителя из школы при Доме.

– Надевай штаны, – велел ему мистер Гейнс. – Мы идем прогуляться.

Спрыгнув с койки, Болван натянул на свое костлявое тело футболку и комбинезон, потом принялся зашнуровывать потрепанные башмаки.

– Если это насчет того дела, то я ничего такого не делал!

Никто не засмеялся. В происходящем не было ничего смешного. Когда учителя будят тебя среди ночи, это значит, что тебя отправляют в Дисциплинарную. Вокруг дети либо продолжали сопеть, либо лежали вытянувшись на своих койках, притворяясь, будто спят.

– Пойдем! – поторопил мистер Гейнс.

– Я ничего не делал, честное слово!

– Все так говорят.

В Дисциплинарную отправляли проблемных детей. Неуправляемых; тех, кто нарушал правила. Там не было окон. Одно-единственное кресло, привинченное к цементному полу, под электрической лампочкой без абажура.

– Я просто пошутил! Я ничего такого не хотел сделать человеку из Бюро! – молил Болван. – Мистер Гейнс! Вы ведь знаете, я всегда вел себя хорошо!

Мистер Боуи положил мягкую руку ему на плечо и подтолкнул вперед так, что он чуть не полетел с ног.

– Двигай, говнюк.

Спотыкаясь, Болван на дрожащих ногах выбрался наружу. Ему редко доводилось бывать за пределами Дома в это время суток, и его взгляд невольно устремился вверх. Небо, полное звезд. Огромный далекий мир, которому наплевать на его судьбу.

Большой дом был ярко освещен. Его ждал другой мир – мир боли и страданий. А Мозг ведь предупреждал его, чтобы он держал свой особый дар при себе. Что иначе его будут ждать такие неприятности, с которыми будет нелегко справиться. Что многие дети теперь обладают теми или иными талантами и очень важно держать их в тайне от нормалов. Почему он не слушал?

– Только взгляните на него, – заметил мистер Гейнс. – Трясется, словно садовая лестница!

– И потеет, как шлюха в церкви, – прибавил мистер Боуи.

Болван слышал рассказы, будто в Дисциплинарной детей усаживают в кресло лицом к старому доброму флагу мятежников – гигантский крест синий на ярко-красном фоне, – как бы для того, чтобы подчеркнуть, что ты больше не в США. Что ты вступил на территорию

другой страны. Здесь тайное место, с собственными правилами и обычаями. Окно в прошлое, когда они могли делать все, что захотят.

– Не надо! – упрасивал он. – Пожалуйста, я не хочу туда!

– Будь мужчиной, парень, – сказал мистер Боуи и снова подтолкнул его.

На подъездной дорожке перед домом стоял черный фургон. Мистер Гейнс подошел к нему и распахнул черные двери.

– Прошу пожаловать в карету, – сказал ему учитель.

– В смысле? – озадаченно переспросил Болван. – Меня не отправляют в Дисциплинарную?

– Сегодня тебе повезло.

Мистер Гейнс подождал, пока он заберется внутрь и усядется в заднем отделении фургона, потом наклонился к нему и приковал одну руку Болвана наручником к стальному стержню, проходившему под крышей.

– Пока, Джефф! Не забудь прислать нам открытку!

Мистер Боуи рассмеялся. Дверцы фургона захлопнулись.

Водитель в сером комбинезоне завел двигатель. Вспыхнули фары, осветив проржавевшие баки из-под бензина, наваленные возле сарая с инструментами.

– Здравствуй, Джефф, – послышался знакомый голос спереди, с пассажирского сиденья.

– Мистер Шеклтон?

– Мы будем ехать долго. Можешь поспать, если хочешь.

– Долго ехать? В смысле, мы просто покатаемся, и все? Правда?

Где-то в глубине души он не переставал подозревать, что это все шутка. Вот сейчас двери фургона снова распахнутся, мистер Боуи вытащит его наружу и потащит в Большой дом.

Фургон отъехал от Дома и затрясся по грунтовке, которая вела к окружному шоссе. Болван хрипло вздохнул и рассмеялся.

Тем не менее, когда Дом растворился в темноте, его облегчение вдруг сменилось новым страхом. Дом не был особенно приятным местом, но все же для него он всегда был... домом.

– Сэр? Куда мы едем?

– В хорошее место, – отозвался Шеклтон. – Тебе понравится.

Агент откинул спинку своего кресла до упора и надвинул на лицо свою мягкую фетровую шляпу.

Во времена работы на ферме Болвану как-то довелось проехать в кузове одного из принадлежащих Дому пикапов, но на такой машине он никогда не ездил. Он попробовал представить, что его везет его собственный шофер. Он – секретный агент; он спешит, чтобы успеть на самолет в Париж.

Впрочем, фантазия не продлилась долго. Он по-прежнему трясся, как та садовая лестница.

– Как вас зовут? – спросил он водителя.

Тот не ответил. В ветровое стекло со шлепком вмазалось какое-то насекомое.

– Мистер, надеюсь, мы скоро остановимся? Я уже хочу писать.

По-прежнему нет ответа.

– Ну вот, теперь я не могу перестать думать об этом, – пожаловался Болван. – Я скоро намочу штаны!

– Мы остановимся, когда будет нужно, – проговорил Шеклтон из-под шляпы. – А до тех пор, Джефф, закрой варежку и попытайся немного вздремнуть.

Болван поерзал на сиденье. Как агент мог ожидать, что он заснет после пережитого испуга? Он сомневался, что вообще когда-либо сможет спать.

Потом его взгляд упал на фетровую шляпу агента, и он немедленно влюбился. Он никогда не видел такой шляпы, разве что в старых фильмах. Вот бы тоже обзавестись такой! Болван представил, как он входит в столовую в своей новой шляпе и все ребята сходят с ума от зависти.

И только тут до него дошло.

Болвана ждал совершенно незнакомый мир. Скорее всего, он никогда больше не увидит ни своих друзей, ни своего старого дома.

Глава четвертая

Завтрак состоял из обычной полужидкой бурды, которую они поглощали, сидя за деревянными столами в домовой столовой. Возя ложкой по тарелке, Пес ждал, когда подойдут его приятели. Сегодня в программе стояла агрономия – а значит, они проведут весь день, работая на ферме за пределами Дома. Его любимый школьный предмет; лучше были только воскресенья, когда они вообще не учились и могли проводить время с друзьями.

Сегодня, впрочем, его не радовала предстоящая перспектива; его вообще ничего не радовало. Он плохо спал, ум кишел разочарованными мыслями. Рано утром его разбудило птичье пение – за окном поселилось семейство дроздов.

Человек из Бюро сказал, что в нем нет ничего особенного и никогда не будет. Что он катается как сыр в масле. А потом велел ему убраться к черту.

Все это было ужасно несправедливо.

Мама бросила Пса, когда он был еще совсем младенцем. С тех пор о нем заботились другие нормалы. Да, разумеется, его кормили и обеспечивали ему крышу над головой – но он вовсе не катался как сыр в масле. Это мог увидеть любой, у кого имелись глаза. Дом был обветшалой развалюхой, слишком тесной для такого количества обитателей. Их кровати кишели насекомыми, через дыры в крыше на пол текла бурая вода.

Он не просил ни о чем подобном. Ему просто не повезло родиться на свет.

Скамья застонала под опустившейся на него тушей Мозга. Учителя говорили, что он появился на свет, когда лев изнасиловал гориллу. Его звероподобной внешности, впрочем, противоречили маленькие изящные руки и глаза, где горел неожиданный огонек ума.

Но, по-видимому, в нем тоже не нашли ничего особенного. Правительство не забрало Мозга, который был умнейшим из всех, кого он знал. Пес мог быстро бегать – быстрее, чем Мозг, может быть, быстрее любого из живущих на земле людей, – однако Бюро ставило планку слишком высоко даже для них.

Следующими появились Уолли и Мэри. Взяв подносы с завтраком, они уселись на свои обычные места. Эти-то уж точно никуда не делись, и неудивительно. Уолли представлял собой просто большой колышущийся мешок, едва способный разговаривать. Мэри была чахлая, невзрачная девчушка с лицом слабоумной. Она единственная из детей не получила никакого прозвища.

Иногда Пес сомневался в том, что она действительно была больной, а не просто умственно отсталой. Мозг говорил, что, возможно, нормалы пихают в Дома всех, с кем не хотят иметь дело. Все, кого они отвергают, оказываются здесь – от детей до учителей. Мозг с Псом присматривали за девочкой и следили, чтобы с ней ничего не случилось.

– Ты видел Болвана? – спросил Пес.

– Его забрали ночью, после того как выключили свет, – ответил Мозг.

– Забрали? Куда?

– Не знаю, Пес.

– Человек из Бюро говорил о каком-то особенном месте...

– Я ведь предупреждал его, чтобы держал язык за зубами! – сказал Мозг.

– Ты будешь следующим, – отозвался Пес, злясь на то, что Мозг сумел исхитриться сделать так, чтобы его не забрали. – Ты-то всегда знаешь, что сказать. Думаешь, ты такой уж...

Пес остановился. Он сам не понимал, за что нападает на Мозга. Просто он был очень зол. Он боялся, что правительство заберет всех его друзей и он окажется один. Покинутый всеми. Останется в Доме до конца дней своих – единственный из всех, в ком не оказалось ничего особенного.

Доброе лицо Мозга окаменело от нежданной обиды.

– Прости, – сказал ему Пес. – Я не хотел ничего такого.

– Мне хватает ума, чтобы промолчать, когда это необходимо. А Болвану не хватило.

Одним из первых воспоминаний Пса было, как Мозг допрашивал его после того, как Бюро послало к ним очередного агента для проверки детей. «Расскажи, что у вас произошло, – требовал четырехлетний Мозг. – Что он спрашивал, что ты ответил. Очень важно, чтобы ты рассказал мне в точности все, что ты помнишь». Даже тогда Мозг уже разговаривал, как взрослый. И с тех пор каждый год повторялось то же самое: Мозг желал знать, о чем их спрашивали и что они отвечали. Это позволяло ему смешаться с детьми, так чтобы его не могли вычислить.

И это тоже было несправедливо. Мозг был особенным, но скрывал это.

– По крайней мере, теперь он попадет куда-нибудь в другое место, – сказал Пес.

– Опасайся своих желаний, – ответил Мозг. – Откуда нам знать, может быть, они убивают всех особенных. Бросают их в газовые камеры. Всеми их действиями движет страх.

Пес вспомнил, как вскочил на ноги после того, как человек из Бюро сказал ему убираться к черту. Его грубость была для Пса словно удар хлыстом. Но когда он вскочил, Шеклтон словно застыл в своем кресле. Агент испугался его, пускай всего лишь на секунду. И Пес почувствовал его страх. Это вывело его из себя.

«Меня вовсе не нужно бояться!» – хотел он крикнуть агенту.

Но вместе с тем ощущение ему понравилось. Где-то в глубине души он наслаждался им. Он почувствовал себя сильным! Мальчику, никогда не обладавшему никакой властью, дали попробовать, что это такое.

«Хотите, чтобы я заставил вас бояться, сэр? Решите ли вы, что я особенный, если я покажу вам, что такое страх?»

– Хорошо бы просто куда-нибудь убратся отсюда, – сказал Пес. – Я хотел бы быть взрослым, чтобы можно было делать все, что хочешь. Зарабатывать на жизнь. Смотреть по вечерам телевизор. Ложиться спать, когда мне захочется.

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? – спросил его Мозг.

– Я бы хотел, чтобы у меня была собственная ферма, как у Папы Элбода. Чтобы я мог выращивать свой урожай, жить своим трудом.

Пес планировал работать у Папы Элбода до тех пор, пока не сможет купить себе участок и продавать часть урожая. После этого он станет расширять свои владения, пока в конце концов не обзаведется собственным полноценным хозяйством.

Уолли с шумом всосал кашу с ложки.

– Ха-чу быть шир-риф!

Мэри ничего не сказала. Она сидела, уставившись в пустое пространство, где большую часть времени пребывали ее мысли.

– А ты, Мэри? – спросил ее Пес. – Кем ты хочешь быть? Ты можешь стать кем хочешь, делать что хочешь.

– Красавицей, – ответила Мэри.

– Я бы хотел стать доктором, – сказал Мозг. – Но этого никогда не случится. Знаешь, почему нам четыре дня в неделю преподают агрономию? Чтобы мы до конца наших жизней могли работать на фермах в качестве дешевой рабочей силы. Ничего другого нам никогда не позволят. Мы люди без прав, люди без будущего. Нас посадят в резервации, как сделали с индейцами крик, которые раньше жили в этих краях. И там будет в точности то же самое, что и в Доме.

Уолли скривил лицо в плаксивой гримасе:

– Нельзя шир-риф?

– Ну почему же. Они наверняка с радостью позволят нам самим надзирать за собой. Как в Освенциме.

Физиономия Уолли надулась довольной улыбкой, словно воздушный шар:

– Буду шир-риф!

Размазывая кашу по тарелке, Пес размышлял о мрачном пророчестве Мозга. Ему не хотелось в него верить, хотя он всегда знал, что именно так и будет. Единственный выход заключался в том, чтобы быть особенным. Но он не был особенным. Так сказал человек из Бюро: что он не особенный и никогда им не будет.

Мозг смотрел, как его друг поглощает свой завтрак. Ему бы очень хотелось, чтобы Пес понял его – но Мозг жил в своем одиноком мире, где его никто по-настоящему не понимал.

Пес не увидит правды до тех пор, пока система не сокрушит его. Не обтешет, не сотрет в нем все человеческое, оставив лишь чудовище. Монстра, которому нечего терять.

Что касается самого Мозга, он понял все в первые минуты своей жизни.

Четко, как на фотоснимке, он помнил ужас рождения. Первым, что он услышал, были вопли его матери. Мир ворвался в его сознание яркими бредовыми красками. Смятение, ужас, восхищение.

Стремительно бледнеющее мужское лицо. Широко раскрытые водянистые глаза. Мир поплыл вбок – доктор повернул его, чтобы показать матери, лежащей на больничной койке. Он уставился на нее мутными щелками глаз. Снова вопли, потом она сказала что-то, чего он не понял. Его пронизало чувство любви. Он потянулся к матери маленькими ручонками, чтобы ее утешить. Но в этот момент мир снова перевернулся, и она пропала навсегда.

Его забрали и отправили в Дом. Он изнывал от беспокойства. Что они сделали с его мамой? Все ли у нее в порядке? Почему ему не дают с ней повидаться? Потом учителя научили его человеческому языку. Только тогда он понял, что она кричала, когда доктор держал его, извивающегося, в своих больших руках.

На протяжении этих первых моментов своей жизни Мозг получил все необходимое ему образование. Он узнал, кто он такой – что они такое, – а также что монстры и люди не должны существовать в одном мире бок о бок. Если твоя собственная мать ненавидит тебя и отправляет подальше, с какой стати тебя будут любить абсолютно незнакомые люди? Хозяева с самого начала осознали эту фундаментальную истину. Они создали отдельные миры – один для себя, другой для монстров. И эта система никуда не денется, когда мутанты достигнут зрелого возраста. Выросшие дети станут свободными людьми, живущими в невидимых клетках, не имея никаких прав и перспектив, – то есть в действительности у них никогда не будет реальной свободы.

Пес пока что не мог понять этого, потому что думал больше сердцем, нежели умом, и все еще питал некоторую надежду. Дом представлялся ему чем-то вроде чистилища, которое нужно было перетерпеть, чтобы достигнуть обетованной земли. Но система уничтожит в нем эту надежду. Можно до посинения втолковывать ему правду о мире, в котором они живут, – есть такие истины, до которых людям необходимо дойти самим, через собственный опыт. И когда Пес потеряет последнюю надежду, когда эта надежда наконец будет мертва – лишь тогда он поймет. Лишь тогда до него дойдет, что он не имеет ничего, а когда ты ничего не имеешь, это значит, что тебе нечего терять, зато есть за что бороться. И тогда придет некий Спартак и позовет их всех за собой, и они восстанут и разрушат стены между двумя мирами.

– Почему ты улыбаешься? – спросил Пес.

– Мы все особенные, – ответил Мозг.

– Ты правда так думаешь?

– Да. И нам не нужен никто, чтобы говорить, что это так или не так.

Мозг вспомнил, как мисс Оливер показала ему книгу, давшую ему еще один большой скачок в понимании мира. Мисс Оливер питала слабость к детям. Она была черной, но родом из северных штатов, да к тому же еще и горожанка; она-то знала, что такое быть не таким, как другие. Может быть, она воспринимала его как черного из-за цвета его кожи и курчавых волос

– хотя его мать была белой, и в любом случае такие различия не имеют большого значения для монстров. Важно лишь одно различие.

В классе он разыгрывал из себя тупого: сообразительных учителя берут на заметку. Если ты говорил как образованный, это приводило их в ярость, как ни парадоксально. Они называли это «задирать нос». Мисс Оливер сразу раскусила его, но держала это в секрете. Она контрабандой приносила ему книги, чтобы подпитывать его интеллект. Книги по истории, политологии, физике, философии – он поглощал все, что она ему давала. От первоначального восхищения он перешел к разочарованию, когда его ум развился настолько, что перерос знания, содержащиеся в книгах. В десятилетнем возрасте он изобрел новое направление в математике, в одиннадцать обратился к передовым разработкам теоретической физики.

А потом мисс Оливер принесла ему книгу, которая изменила его жизнь. «Мифы и монстры», том первый. Автор – Адам Новак, в твердом переплете, издание 1967 года. Система Домов не позволяла мутантам читать подобные книги. Здесь запрещались такие тексты, как «Красавица и чудовище» и «Остров доктора Моро». Вместо этого им показывали фильмы – «Тварь из Черной лагуны» и тому подобное, где отважные мальчики-нормалы спасали девочек от ужасных бушующих чудовищ. Это делалось не столько для развлечения, сколько для обучения, что-то вроде социальной адаптации. Промывка мозгов, одним словом. «Знайте свое место, детки. Только попробуйте связываться с нормалами, и вас ждет поражение». Мозгу потребовалось всего несколько минут, чтобы прочесть и запечатлеть «Мифы и монстров» в своей фотографической памяти.

Он сидел с остановившимся взглядом, удовлетворенный и полный новой информацией, рассматривая картинки в своем уме. Лев с головой и крыльями орла. Египтянин с головой шакала. Женщина со змеями вместо волос, один взгляд которой обращал людей в камень.

– Вы уже были здесь раньше, – сказала ему мисс Оливер. – Ты понимаешь, Джордж?

Джордж. Его рабская кличка. Джордж Хёрст.

– Да, – сказал Мозг. – Я понимаю.

– Мне кажется, в этих старых историях может быть доля истины. Возможно, они основаны на каких-то реальных событиях.

– Мы были богами.

– Наверное, бактерии, вызвавшие ваше появление, очень древние, – предположила мисс Оливер. – Как ты думаешь?

– Очень древние, – согласился Мозг. – Возможно, они существовали всегда. Такой эволюционный джокер, лежавший в колоде в ожидании своего часа.

– Мы еще очень многого не знаем. Может быть, когда ты вырастешь, ты займешься изучением этого вопроса и расскажешь нам, как это произошло.

Мисс Оливер хотела воодушевить его, убедить в необходимости открыть миру свои интеллектуальные способности и найти им должное применение. Он действительно чувствовал воодушевление – но совсем по другому поводу.

– Может быть, так и будет, – сказал он, чтобы ее успокоить.

«Было время, когда вы на нас молились, – подумал он про себя. – И это время вернется снова!»

С этого дня Мозг начал разрабатывать план восстания.

Когда он вырастет, он хотел стать свободным.

Глава пятая

Долгие, глубокие поцелуи под старым кизилевым деревом на краю школьного футбольного поля.

Когда у них закончилось дыхание, их рты разъединились. Вдохнув новую порцию воздуха, Джейк зарылся лицом в ее шею и принялся продвигаться вниз к ключицам, перебирая губами по коже.

– Обожемой, – проговорила Эми.

Его прикосновения, его запах, его вкус... Кровь шумела в ее ушах.

– Спасибо вам, мистер Бенсон, – пробормотал Джейк.

– С чего ты вдруг его вспомнил?

Как у него вообще получалось о чем-то думать? Ее собственный ум полностью отключился, уйдя в какое-то особое место, отведенное только чувствам. Она не могла бы сказать даже, какой сегодня день.

– Папа всегда говорил, что можно подцепить бациллу, если целоваться, – пояснил Джейк. – Но теперь, благодаря мистеру Бенсону, я знаю, что это неправда.

Эми улыбнулась ему.

– Теперь ты знаешь. О господи! Ладно... Наверное, мне пора домой.

Они знали, что дальше заходить нельзя. Даже у поцелуев есть свои пределы. Размытая, неопределенная граница, за которой удовольствие переходит в смятение. Он обнял ее еще раз и отпустил. Несмотря на все свое бунтарское обаяние, Джейк был джентльменом.

Эми подобрала с земли учебники и прижала к груди.

– Не знаю, как я вообще пойду. У меня ноги сделались как резиновые, сэр. Вы превратили меня в медузу!

– В таком случае, мисс, держитесь за мою руку.

– Вы хорошо целуетесь, Джейк Кумбс.

– А вы не похожи ни на какую другую девушку, Эми Грин.

– В каком смысле? Чем это я не похожа на других девушек?

– Потому что ты идеальная, – сказал он. – Во всяком случае, для меня.

Ей понравилось, как это прозвучало. «Идеальная»... Он тоже казался ей идеальным.

Кожа ее головы зудела так, словно по ней ползали полчища муравьев. Старая нервная привычка требовала ее внимания. Но она не стала чесаться. Вместо этого она стиснула его руку, и они тронулись по дорожке мимо телефонных столбов, увитых плетями кудзу.

– Ты так много обо мне знаешь, – сказала она. – А ведь мы встречаемся всего неделю.

– Я быстро учусь. Эй, а что ты делаешь в пятницу вечером?

– То же, что и обычно. А почему ты спрашиваешь?

– Мы с Троем нашли отличную поляну в лесу, возле оленьей тропы. Там даже есть чье-то кострище, обложенное камнями. Мы хотим пойти посидеть у костра, послушать музыку. Поговорить о жизни.

– А монстров вы не боитесь?

– Ты прекрасно знаешь, что я не боюсь никаких монстров.

То, что он говорил сегодня в классе – о том, что чумные дети – такие же люди, как и все, – не было показным бунтарством. Он действительно так думал.

– Даже диких?

Порой чумные дети убегали из Домов и поселялись в лесу. Там они постепенно дичали. Фермеры стреляли в них, если они подбирались слишком близко.

– Это просто еще одна сказка, чтобы нас напугать, – ответил Джейк.

– Может, и так. А кто там будет вообще?

– Как я сказал – мы с Троем и еще Салли и Мишель. Трой и Мишель попробуют спереть какой-нибудь выпивки у своих предков, пива или чего-нибудь покрепче. Устроим вечеринку.

Эми уже не первый год училась с ними в одной школе, но, по сути, они оставались для нее незнакомцами. Сколько она себя помнила, в ее жизни всегда была лишь она сама и мама. Весь ее распорядок состоял из необходимых телодвижений, чтобы казаться нормальной девочкой, но на самом деле она жила в страхе перед всеми. Этим летом она решила, что пора выбираться из своей скорлупы. Она подружилась с Салли, ходившей с ней в одну церковь, – ту, где проповедовал отец Джейка.

Когда начались занятия в школе, Эми решилась пойти на еще больший риск и завести бойфренда. Она выбрала Джейка, в котором опасность и доброта смешивались как раз в нужной пропорции. Из-за него она начала тусоваться с Мишель и Троем.

Эми остановилась на развилке. Вдоль растрескавшегося асфальта рос желтый жасмин.

– Вечеринка под звездами... Наверное, это здорово. Хотела бы и я с вами!

– Почему бы и нет, если ты действительно этого хочешь, – отозвался Джейк. – Представь, сколько у нас будет времени, чтобы целоваться!

Эми задумалась. Такой выход за рамки выглядел заманчиво. Немного риска...

– Наверное, я могла бы разок ускользнуть из дому. Но тебе лучше быть поосторожнее, с твоим-то папой.

Методистская церковь, которой заведовал преподобный Кумбс, стояла за чертой города, на незастроенном участке Двадцатого окружного шоссе. Он не пропускал ни одного воскресенья, чтобы не предупредить горожан о надвигающемся апокалипсисе. Чума – это знак, говорил он. Наказание человечеству за его грехи. Господь вскоре грянет к нам, и вы не поверите, люди, насколько он разгневан! Эми не могла понять, зачем ее мама каждое воскресенье ходит туда, чтобы слушать все это.

– Папу я не боюсь, – сказал Джейк. – Он много лает, но не кусается.

– Еще бы! Посмотреть только, как ты одеваешься. И какую музыку слушаешь. И что ты порой говоришь.

Джейк рассмеялся. Эми запрокинула голову, и он наклонился к ней. Их зубы стукнулись друг о друга, потом они снова нашли друг друга губами. Они стояли в зарослях возле дороги, погрузившись в поцелуй, до тех пор, пока мимо не прогрохотал грузовик и не посигналил им.

– Кажется, я в тебя влюбился, – проговорил Джейк в облаке пыли.

Эми улыбнулась и двинулась в направлении дома. Бросив взгляд через плечо, она с удовлетворением заметила, что Джейк не сдвинулся с места ни на дюйм – так и стоял посреди желтого жасмина в своей черной футболке с пиратским флагом и армейских ботинках.

– Увидимся завтра, Джейк Кумбс!

– Ты так и не ответила, ты-то меня любишь или нет?

– Как будто ты сам не знаешь.

Джейк широко улыбнулся:

– В пятницу вечером! Подумай, о'кей?

– Обязательно.

Он помахал ей рукой. Эми пошла прочь, слегка вприпрыжку. Ей не терпелось рассказать Салли о том, что они целовались с Джейком. Ее прямо-таки распирало от этой новости. Она чувствовала себя особенной, словно ее приняли в закрытый клуб. Теперь она знала на опыте нечто такое, что для большинства девочек в ее классе оставалось чарующей загадкой. Похоже, процесс взросления похож не столько на дорогу, сколько на лестницу, – и она только что вскарабкалась на очередную ступеньку.

В одиночестве она шла по грунтовой дороге, тем путем, которым всегда возвращалась из школы, – но теперь она не чувствовала себя одинокой. Джейк Кумбс шел вместе с ней,

она несла его домой в своем сердце и уме. Большой дом показался за шеренгой тюльпанных деревьев, окруженный слегка холмистыми зелеными полями, от которых пахло мокрой землей.

Возвращение в душный, обветшалый особняк больше не казалось таким ужасным, как прежде. Сегодня вечером она прочтет учебник по гигиене от корки до корки. Узнает все, что только можно узнать. Поцелуи доставили ей невероятное удовольствие. Если ей можно целоваться, возможно, есть и другие вещи, которые она могла бы попробовать.

В этот год она предприняла несколько очень рискованных шагов – и они раскрыли перед ней целый мир, гораздо больше, чем тот, что был ей знаком прежде. Эми уже была готова штурмовать следующую ступеньку лестницы, чтобы посмотреть, насколько высоко она сможет взобраться.

Линда Грин сидела на диване в своей занавешенной шторами гостиной и досматривала сериал в ожидании, когда ее малышка дочь вернется домой из школы. Сигаретный дым висел в воздухе слоями, которые лишь слегка колебал жужжащий вентилятор. Она воткнула окурочек «Вирджиния слимс» в переполненную пепельницу, стоящую на боковом столике, и стряхнула с халата пепел. Потом отхлебнула глоток виски, чтобы еще немного притупить мозг.

«Что за жизнь, – подумала она. – Черт бы это все побрал».

Жизнь не всегда была такой. Линда ничего не имела против своего детства, проведенного в маленьком городке. Молодая девчонка со склонностью влипать в истории, тонкой талией и бюстом, останавливавшим движение на дорогах, всегда могла найти чем заняться. Некогда парни затевали кулачные бои за возможность провести субботний вечер в компании Линды Брэзел. Взрослые мужчины оглядывали ее с ног до головы и подмигивали, предлагая поработать няней у их детей. Окончив школу, она выбрала Билли Рэя Грина, имевшего хорошо оплачиваемую работу на хлопкопрядильной фабрике, и стала миссис Грин. Билли Рэй был непьющим и никогда не бил ее. От него она получила этот дом, доставшийся ему после смерти его дорогой матушки. Это было в 1968 году, когда таблоиды начали публиковать рассказы о детях-монстрах, наряду с ужасными новостями из Вьетнама. Знаки и предзнаменования. Важные деятели, успокаивающие перепуганную публику. Ее все это не особенно затрагивало. Ей и без того хватало забот: она начинала свою взрослую жизнь.

Это было большим приключением, однако спустя какое-то время ощущения притупились. Она начала тосковать по дням своей славы, когда за нее дрались парни. Взрослые мужчины по-прежнему поглядывали на нее, и наконец она от скуки вновь принялась за старые проделки. Оказалось совсем нетрудно занять долгие часы, пока Билли Рэй трудился на фабрике. Гости города, коммивояжеры и подобный народ – такое было у нее правило, чтобы обезопасить себя. Именно так она и подцепила бациллу и обнаружила это лишь после того, как у нее родилась Эми.

Она обвинила Билли Рэя в том, что это он ее заразил. Она так распалилась, что и сама почти поверила в это. В ответ он назвал ее никчемной шлюхой и сказал спасибо за испоганенную жизнь. Вскоре после этого он ее бросил – и пускай катится куда подальше, сволочь этакая. Хватило совести оставить ее одну с таким ребенком.

Хлопнула кухонная дверь. Эми вошла в комнату.

– Привет, мама!

Не отрывая взгляд от экрана, Линда закурила новую сигарету.

– В холодильнике есть заморозка, разогрей себе. Хочешь, посмотрим что-нибудь за ужином?

– Сперва сделаю домашнее задание.

– Как хочешь, малышка.

– Слушай, мама...

Линда оторвалась от сериала.

- Что – слушай?
- Помнишь, о чем мы говорили? Ну что я не такая, как другие, и все такое...
- Ты не просто не такая, как другие, ты идеальная. Только взгляни на себя!
- Ну мама!

Линда вздохнула.

- Хорошо. Что ты хочешь знать?

– То, что ты говорила мне раньше – о том, кто я такая. Это все было взаправду, честно-пречестно?

Линде хотелось рассмеяться, но вместо этого она просто закашлялась в кулак. Господи боже, да неужели бы она сидела здесь на своей великолепной заднице, если бы это все не было взаправду? Неужели тратила бы свое время, целыми днями глядя в телевизор и читая женские романы? Или ходила в эту адскую церковь, где на зараженных смотрят как на грешников?

- Хотела бы я, чтобы это было неправдой, – сказала она.

– Иногда матери придумывают всякие истории, чтобы их дети не занимались чем не положено.

- Я не из таких матерей, милая.

- Но мама, я ведь ничем не отличаюсь с виду от нормальных людей!

Линда одним глотком допила виски и поморщилась: напиток обжег ей гортань.

- Хвала Господу за это.

– Я сегодня целовалась с мальчиком. От поцелуев ничего нельзя подцепить. Нам рассказали на уроке гигиены.

– Все равно, никогда не теряй осторожности, – отозвалась Линда. – Ты носишь в себе заразу. Неужели тебе хочется родить монстра? А потом твой мальчик тебя, конечно, бросит, как бросил меня твой папа. И никогда больше не сможет полюбить девушку. Он станет неприкасаемым! Если ты его действительно любишь, не заставляй его тебя ненавидеть.

- Мы просто целовались, и все. Мы не такие уж глупые!

- Ты еще очень молода. Глупость идет в комплекте.

- Но откуда ты знаешь?

- Откуда я знаю что?

- Что я одна из них? Если я на них не похожа?

Линда вспомнила, как выталкивала Эми из себя. Вся залитая потом, ноги в воздухе, большие груди сочатся молоком. Доктор протянул ей замечательного, безупречного ребенка. Все вздохнули с облегчением. «Миссис Грин, у вас дочка», – сказал он. «Дайте ее мне, – ответила Линда. – Я хочу поддержать моего ангелочка». Доктор с сиделками отошли, чтобы заняться другими делами, пока Эми сосала ее грудь. Самое естественное, что только может быть. Ею овладел прилив яростной любви – любви, как будто только что рожденной и в то же время древней как мир, любви, зародившейся где-то в атомах ее тела и затмившей все остальное.

А потом Линда увидела. Увидела, кем в действительности была ее малютка. Она подавила готовый вырваться вопль и продолжила кормить.

От Билли Рэя она не могла это скрыть, но могла от всех остальных. Ее Эми не будет расти в каком-то приюте для уродов, и точка! Билли Рэй, остальные мужчины, с которыми она развлекалась, свободная жизнь, все ее желания – ничто из этого не стоило и кучки бобов по сравнению с благополучием ее дочурки. Линда была готова на все, чтобы ее защитить. Если она проявит достаточно смекалки, ее малышка вырастет в настоящем мире и будет жить нормальной жизнью.

– Просто знаю, – сказала Линда. – Неважно откуда. Если я с тобой слишком строга, ты знаешь почему. Слушайся меня, у тебя еще вся жизнь впереди.

- Мне бы просто хотелось... – начала Эми.

– Я знаю. Иди к своим учебникам. Я потом принесу тебе стакан воды с сиропом. Ужин в холодильнике. Сегодня показывают «Династию».

Честно говоря, Линда предпочла бы посмотреть «Шоу Косби», интересную новую передачу. Он доктор, она юрист; вместе со своей семьей они наслаждаются жизнью, которой у нее никогда не будет. Правда, они черные, но это ничего. Линда ничего не имела против черных, если они вели себя как приличные люди. Но Эми шоу не нравилось. Она еще была в том возрасте, когда вид людей, ведущих себя нормально, приносит скуку, а не удовлетворение. Эми нравилась «Династия», где обаятельные и красивые люди дрались за то, чтобы занять место на самом верху.

Поэтому сегодня вечером они будут смотреть «Династию».

– Хорошо, мама, – сказала Эми. – Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю, милая, – отозвалась Линда, провожая дочь взглядом до верха лестницы.

После «Династии» она снова примется за виски, пока не уснет там же, где сидела. На завтра, проснувшись, она вряд ли вспомнит хоть что-нибудь.

Глава шестая

Реджи Элбод завтракал. Бекон, кукурузный хлеб с сиропом, лепешки, залитые густой бурой подливкой. Запивая обильный завтрак горячим сладким кофе, он смотрел на дочерей, гомонящих и толкающихся на кухне. Его Джуди, которая была хорошей женщиной, скончалась несколько лет назад. Парни в городе постоянно спрашивали его, когда он собирается найти себе новую супругу. В ответ он всегда смеялся: «Под моей крышей и так растут четыре девчонки, куда, черт побери, я ее дену?»

Плюс ко всему вокруг по-прежнему свирепствовала эта зараза. Людям приходилось тестироваться, прежде чем лечь в одну постель. Ухаживать за женщиной теперь означало совсем не то, что раньше. Нет, для него со всей этой чепухой было покончено. Четырех дочерей более чем достаточно, чтобы заводить еще одну женщину в своей жизни. В его возрасте у него оставалась лишь одна цель: позаботиться о себе и о том, что ему принадлежит.

Выйдя на веранду, он прислонился к облупившемуся столбу и принялся сворачивать самокрутку. Лизнул, заклеил. Закурил, глядя, как восходит солнце. Выбросил окурочек, откашлялся, выплюнул комок слизи и затопал во двор, готовый начать трудовой день.

На созревающем хлопке уже открывались коробочки. Наряду с арахисом хлопок был его главным источником дохода. Кроме того, Элбод выращивал также бататы, тыкву, бобы, горох, капусту и помидоры – все это следовало поскорее собрать и законсервировать. Курам и свиньям требовался корм, коровы уже мычали, требуя внимания, изгороди нуждались в починке. Он напомнил себе не забыть заскочить сегодня в «Кормовую базу Экли», а потом еще закупиться в универмаге. Ему был нужен табак, растительное масло и всякие мелочи для девчушек.

И еще сегодня был день чудиков.

Они работали у Элбода по три-четыре дня в неделю вот уже восемь лет. Поначалу они вообще ни черта не смыслили, просто бегали повсюду и на все натыкались. Элбод припомнил, как один мальчонка боялся кур. Он показал детишкам свой хлыст, чтобы они не вздумали озоровать, и с тех пор они отлично ладили. Из чудиков выросли неплохие фермеры. Теперь он вряд ли бы смог справиться без них.

Он покормил скот, подоил коров. Потом, минута в минуту, на дороге в облаке пыли показался пикап и вкатил во двор. Дэйв Гейнс выключил мотор, вышел из машины и потянулся. Чудики сидели в кузове в своих грязных комбинезонах, ожидая команды выгружаться.

– С утречком, Реджи, – приветствовал его Гейнс.

– С утречком, Дэйв. Что-то я не вижу Болвана, простыл, что ли?

Здоровый глаз Гейнса уставился на Элбода. Второй, мутный и неподвижный, смотрел в другом направлении.

– Приходили люди из Бюро. Забрали его на какое-то время.

– Вон оно как? – отозвался Элбод.

В нем начинало вздыматься праведное негодование. Он ведь платил им за работу, черт возьми! Хотя на самом деле Дом должен бы помогать ему задаром, учитывая, сколько налогов от него требует Вашингтон.

Его младшенькая вынесла ему термос с кофе. Милая мордашка, светлые волосы, в точности как у ее сестер. В точности как у его Джуди, упокой Господь ее душу. Она вручила ему термос и чмокнула в щетинистую щеку.

– Это тебе, папа.

– Спасибо, золотко. Успехов тебе в школе.

– С утречком, мисс Салли! – поздоровался учитель с широкой улыбкой, но девочка уже бежала босиком обратно к дому.

– Мне не хватит работников, – сказал Элбод. – Я плачу Дому приличные деньги за этих ребят.

– Я привез с собой Мэри.

– Эту дурочку? У меня полдня уйдет, чтобы научить ее, что надо делать.

– Это я беру на себя, – заверил его Гейнс.

– У вас в Доме сотни чудиков, и вы не нашли никого лучше, чтобы послать ко мне?

– Я же сказал, я ее научу. Занимайтесь спокойно своими делами. Вы составили для меня список?

Элбод вытащил из заднего кармана комбинезона засаленный блокнот. Раскрыл, вырвал листок и протянул учителю.

– Как думаете, справитесь со всем этим за сегодня?

Учитель посмотрел на листок.

– Так что, у вас весь хлопок уже поспел?

Элбод сплюнул на землю.

– Угу.

Солнца в этом году было много, но без сильной жары. Обильные дожди. Для хлопка это хорошо. Урожай уже можно было собирать. Цены на рынке были не такими высокими, как ему бы хотелось, но и не особенно низкими. На следующий год он засеет свои поля горохом, чтобы почва не обеднялась.

– Нашим ребятам за один день все это не убрать, – сказал Гейнс. – Нужно больше времени. То есть гораздо больше.

– На вас только вон тот маленький участок. Я нанял цветных, они придут завтра утром и примутся за большие поля. Гляньте, справитесь вы или нет.

– Не могу сказать, пока мы не возьмемся за дело.

– Ну ладно. Начинайте тогда. Мне надо заехать к Экли, вернусь к концу дня. Пока меня не будет, в дом не заходить, понятно?

– Я буду постоянно при деле.

Элбод забрался в грузовик и бросил термос на переднее сиденье. Мотор, взревев, завелся. Фермер свесил руку из окна.

– До встречи, Дэйв.

Он включил передачу и нажал педаль газа. Впереди хлопотливый денек. Дел всегда невпроворот, но ему именно так и нравилось.

Проводив взглядом удаляющийся пикап фермера, Пес спрыгнул с заднего борта и помог Мэри спуститься. Ноги девочки запутались в траве, она споткнулась, ее широкополая соломенная шляпа слетела с головы. Пес подобрал шляпу и водрузил обратно.

Мистер Гейнс собрал их в кружок и показал листок со списком.

– Он надеется, что мы сделаем все это за один день, – сообщил он, потирая лоб. – «Маленький участок»... я вас умоляю! Мы весь день будем только собирать хлопок, и то выходит много.

Дети молчали. У них не было права голоса.

Мистер Гейнс вздохнул:

– Ладно, надо приниматься за дело. Мешки вон в том сарае.

Пес ничего не имел против уборки хлопка. С его длинными цепкими пальцами у него это отлично получалось. Работа была довольно простая, даже Мэри могла с ней справиться.

Уолли моргнул:

– Дер-гать сор-няки, нет?

Формой тела Уолли напоминал кеглю для боулинга. У него не было рук. Он ходил на корнях, росших из нижней части его туловища. У него отлично получалось выдергивать сор-

няки – любые сорняки, – а также собирать с деревьев орехи пекан и персики. Его корни, если он вытягивал их во всю длину, доставали до самых высоких веток.

– Сегодня только хлопок, – прорычал мистер Гейнс.

– Как насчет меня? – спросил Мозг.

Мозг выполнял особые работы: чинил технику, принимал телят, лечил заболевших животных. То есть совмещал обязанности механика и ветеринара.

– Ты что, оглох? Я сказал – хлопок! Давай, Джордж, принимайся за дело. Можешь не торопиться, ты знаешь, какой я терпеливый.

Дети поспешно двинулись к сараю, как им было сказано. Учитель смотрел на них, опершись на грузовик.

– Эй, ты! Енох!

– Да, сэр, – отозвался Пес.

– Покажи Мэри, что делать. Ты отвечаешь за нее.

– Хорошо, мистер Гейнс.

Перед ними в волнах солнечного жара раскинулось хлопковое поле. Со стеблей свисали раскрывшиеся коробочки. Дети принялись каждый за свой ряд. Один за другим Пес ощипывал созревшие хохолки, засовывая их в свой мешок. Раз-два-три-четыре, шаг.

Он помахал рукой Мэри:

– Проснись, девочка! Делай так, как я тебе показал.

Она поднесла к лицу зажатую в кулаке пригоршню хлопка.

– Мягко!

– Положи это в мешок, который у тебя на плече. Вот так, хорошо. Все правильно. Теперь набери еще. Как будто ты его кормишь, да? Мешок тако-ой голодный!

Мозг набивал свой мешок, не переставая брюзжать:

– Большинство людей не знают, что мы выращиваем для них еду. Собираем хлопок, которым они утепляют свои драгоценные нормальные интимные части. А если б знали, то отказались бы есть эти продукты и носить эти вещи!

На этот счет Пес не был так уверен. Даже он знал, что бацилла не может жить вне человеческого тела. Он посмотрел вдаль, поверх поля белого золота, на цепочку деревьев, зеленевших на горизонте под сияющим небом.

– Как ты думаешь, что там, дальше? На что похож их мир? – спросил он.

– Это наш мир, – парировал Мозг. – Только нас туда не пускают!

– Я имел в виду – ты думаешь, он действительно такой, как показывают в кино?

– Мы никогда не узнаем этого, если не озаботимся тем, что происходит здесь, у нас перед носом. Например тем, что мы задарма трудимся на Элбода, ничего не получая взамен.

– Мы получаем образование, – возразил Пес. – Я, например, собираюсь стать фермером.

– Но нам ничего не платят! И не предоставляют другого выбора.

– Это только на несколько лет. А потом Папа Элбод обещал, что будет платить нам за арахис и хлопок по весу.

– На этот заработок едва проживешь. Это настоящее рабство, просто называется по-другому!

– Тебе лучше знать.

– Только посмотри на нашего надсмотрщика! – сказал Мозг. – Великий мистер Гейнс. Ошивается вокруг дома в надежде попятиться на Элбодовых дочерей, идущих в школу. Единственное, чему он смог нас научить, – это что хозяева нас эксплуатируют, а мы, черт подери, совершенно беспомощны это изменить!

– Может, выберемся сегодня вечером на наше местечко в лесу? – предложил Пес. – Обсудим все это как следует. Тебе наверняка полегчает, если ты выговоришься.

Мозг прервал работу.

- Ты вообще слышал хоть одно слово из того, что я сказал?
- Не обращай на меня внимания. Продолжай, я слушаю.

Мозг всегда страдал, если ему приходилось заниматься ручной работой. Он от рождения имел повышенную чувствительность к физической боли – спину тут же начинало ломить, маленькие изящные руки покрывались ссадинами и кровоточили. В такие моменты с ним было трудно разговаривать. В любое другое время Пес любил послушать, как его друг проклинает жестокость системы и пророчит грядущую революцию. До него не доходил смысл половины сказанного, но было трудно устоять перед впечатлением, которое производил Мозг, развивающий какую-нибудь идею. Однако, испытывая боль, Мозг ожесточался, и его речи становились язвительными и злобными.

Пес поспешно двинулся дальше вдоль своего ряда, оставив друзей далеко за спиной. Мозг мог буйствовать сколько угодно – его больше не было слышно. Подняв голову, Пес обнаружил, что Мэри почти поравнялась с ним. Похоже, из девчонки выйдет отличная уборщица хлопка!

Когда утро уже переходило в день, они сделали перерыв и направились к водяной колонке. Мистер Гейнс храпел в кабине грузовика. В ярко-синем небе висели белые облачка, похожие на кусочки хлопка. Пес взялся за рукоятку и принялся качать. По очереди наклоняясь к крану, дети глотали воду, такую чистую и холодную, что у них заломило зубы.

Снова в поле и опять за работу. Потом мистер Гейнс позвал их обедать. Затем опять уборка до позднего вечера, пока наконец не наступило время отправляться домой.

Разгоряченные и усталые, дети двинулись прочь с поля.

- Эй, ребята! – послышался голос. – У меня тут для вас чай со льдом!

По травянистой лужайке к ним направлялась Салли Элбод, держа большой поднос, уставленный сверкающими стаканами с темным крепким чаем. Простое белое платье подчеркивало ее гибкие, загорелые руки. Она опустила поднос на столик для пикников, стоявший во дворе.

- Это вовсе не обязательно, мисс Салли, – сказал мистер Гейнс.

– Им нужно немного охладиться, они столько работали на такой жаре. Сегодня весь день печет, как в кузне.

– Им это нипочем. Они всегда могут попить воды. А с этим чаем оглянуться не успеешь, как они начнут требовать его каждый...

- Но я уже его приготовила, – резким тоном возразила Салли.

Здоровый глаз учителя с ненавистью уставился на детей, в то время как другой, безвольно опущенный книзу, казалось, не придавал значения ничему из происходящего.

– Ну хорошо. Давайте, ребята, пейте свой чай. Только не думайте, что теперь так будет каждый раз.

- Спасибо, мисс Салли, – нестройно пробормотали дети, собираясь вокруг столика.

- На здоровье, – отозвалась девушка.

Зажав запотевший стакан в ладонях, Пес приложил его сбоку к морде. Холод, восхитительный холод. По такой жаре ходить в шерсти было просто убийственно. В стакане позвякивал лед, под которым виднелась веточка мяты. Пес в несколько глотков прикончил сладкий напиток и принялся дробить лед острыми зубами.

Мистер Гейнс вновь обратил свое внимание на девушку.

– Это очень великодушно с вашей стороны, мисс Салли, – произнес он с широкой улыбкой. – Надеюсь, вы не станете возражать, если я скажу, что вы сегодня восхитительно выглядите?

– Нет, сэр, я стану возражать! Эти ребята трудятся не жалея сил, а вы стоите тут, изображаете из себя босса, да еще и раздаете комплименты четырнадцатилетней девушке!

- Ну-ну, поосторожнее...

– Это вы поосторожнее! – отрезала девушка. – Вот я расскажу папе, как вы разглядываете меня уже чуть ли не месяц! Все эти постоянные замечания насчет того, как я выгляжу...

– Можете рассказывать ему все что хотите. Я просто пытался поддержать дружескую беседу.

Она склонила голову набок, прислушиваясь. Издалека доносился звук приближающейся машины.

– Вон он уже едет, я слышу!

Мистер Гейнс яростно воззрился на детей. Они отворачивались, благоразумно делая вид, что их это не касается. Одна Мэри с отсутствующим лицом продолжала смотреть прямо на него. Учитель бросил взгляд на дом, где Элбод хранил свой дробовик.

– Вот что я вам скажу, мистер Гейнс, – продолжала Салли. – С этого момента я буду угощать этих ребят каждый раз, когда мне захочется. И вы не станете мне препятствовать или думать, будто я что-то вам должна.

– Да делайте что хотите. Мне все равно.

– Вот и хорошо, – проговорила девушка с милой улыбкой, поворачиваясь к дому.

– Ну ладно, – проворчал мистер Гейнс, когда она ушла. – Нам пора. На сегодня хватит.

Пес возвращался к грузовику, воодушевленный чаем и еще больше – небольшим проявлением доброты со стороны Салли. По пути его взгляд упал на тощую курицу, на теле которой почти не оставалось перьев. Очевидно, ее сестры клевали ее, понемногу убивая с каждым клевком. Пройдет немного времени, и она погибнет от ран. Так уж устроен мир – Пес по опыту знал, что он жесток и безжалостен. До сих пор у него не было причин думать, будто мир может быть другим.

Но сейчас ему начинало казаться, что, возможно, он был неправ.

Глава седьмая

Эми в последний раз посмотрела на себя в зеркало в ванной комнате, прежде чем спуститься вниз. Мама похрапывала на диване в гостиной. В темноте вспыхивал и угасал экран телевизора. Было душно, в воздухе висел запах застарелого табачного дыма.

– Я ухажу. Может быть, займусь сексом с одним мальчиком, – сказала она.

В ответ мать выдала очередную руладу. До завтрашнего утра она не проснется.

– Спокойной ночи, мама.

Она вышла, и ночь тотчас облепила ее кожу. Теплая и влажная. Темная и бесконечная. В такую ночь могло произойти что угодно. В такую ночь можно скрыть что угодно – идеальные условия для любых проделок. Эми прошлась до угла дороги, где они с Джейком целовались. Он ждал ее, руки в карманах, стоя рядом с кустом желтого жасмина.

Заслышав хруст ботинок по гравию, он насторожился. Затем его лицо прояснилось, когда она со смехом вышла в пятно лунного света.

– Что, испугался? Решил, что я монстр? – спросила она.

– Меня пугает только то, какая ты красивая. Я каждый раз чувствую, будто меня асфальтовый каток переехал.

– А-ха-ха, да ты умеешь мести языком!

– Э-э...

– Продолжай, мне нравится. Я просто тебя подкалываю.

Джейк взял ее за руку и повел через разоренное поле. Вся кукуруза была уже убрана, торчали только обрубки стеблей. Его ладонь была потной.

– Салли, наверное, уже на месте, – сообщил он. – И Трой тоже.

– Так что, они теперь вместе? Она мне ничего такого не говорила, хотя могла бы и сказать.

– Да, вместе. – Джейк засмеялся. – Просто Салли еще этого не знает.

– Если бы знала, ее папочка уже развязал бы военные действия.

– Не ему решать, кого она должна любить.

– Вы с Салли оба такие сердобольные в вопросе насчет чумных детей, – сказала Эми. – Удивительно, что ты выбрал в подруги меня, а не ее.

– Я ничего не выбирал. Кажется, я рассказал тебе без утайки, как я к тебе отношусь.

– А что ты, кстати, такое говорил? Я что-то плохо помню.

– Все, что было надо, я сказал. Теперь твоя очередь. Иначе ты не дождешься от меня ни единого слова.

– Ты сломаешься, – поддразнила она. – Я могу быть очень упрямой. В этих делах я совсем как моя мама.

– Да уж. – Он снова засмеялся. – Скорее всего, я сломаюсь.

Если он не скажет это первым, то скажет она. Ей не терпелось сказать ему всю неделю.

Может быть, сегодня ночью. Сегодня было возможно все.

Они вошли в лес. Эми прислонилась к нему, и он обнял ее за талию. Его пальцы пробрались внутрь ее джинсов, ладонь легла на бедро. Она прочла свой учебник гигиены от корки до корки. Она знала, что если заниматься сексом в презервативе, это не гарантирует, что ты не подцепишь заболевание, которое распространяется при телесном контакте. Тем не менее трогать друг друга там, внизу, не возбранялось: они могли делать это без риска распространить заболевание, если использовали одноразовые перчатки.

Его пальцы передвинулись к мягкой выемке между ее ребрами и подвздошной костью. Эми поежилась от его прикосновения и дернула себя за волосы. На коже высыпали мурашки.

– Ну а теперь кто боится? – спросил он.

Она не боялась. Это было возбуждение. Она хотела быть нормальной девочкой.

– Не волнуйся, – добавил он, – мы уже почти пришли. Слышишь музыку?

Среди деревьев бухал сумасшедший бас, в ветвях мелькали отблески. Они с Джейком сошли с тропы и пошли напрямик, пока не оказались на поляне, окруженной древними дубами и гикори.

Трой подбрасывал прутики в небольшой костерок на дне выложенной камнями ямы. Салли и Мишель сидели на одном из нескольких бревен, положенных возле кострища вместо скамеек. В переносном магнитофоне орала какая-то песня, которую Эми никогда не слышала.

– Хей-хей-хей! – приветствовал друзей Джейк, изображая Толстяка Альберта.

Трой расцвел улыбкой:

– Теперь можно начинать веселиться! Глянь-ка, что принесла Мишель: бутылку красного!

– А ты? – спросил Джейк. – Ты-то принес что-нибудь?

– Пару бутылок «Йинглинга». Привет, Эми!

– Господи помилуй, – произнесла она. – Что у тебя с лицом?

Кто-то разрисовал его маркерами – жирные черные линии на темной коже. Свет от костра еще больше дополнял отвратительную картину, превращая лицо в ухмыляющуюся маску с острыми клыками и большим красным языком, вытянутым вверх, как бы облизывая правую щеку. Салли и Мишель засмеялись. В отблесках пламени Эми увидела, что их лица точно так же изуродованы.

Мама рассказывала ей, что раньше дети раскрашивались подобным образом на Хеллоуин – до того как появились настоящие монстры. Нарядившись чудовищами, они ходили по домам и выпрашивали сласти.

– Мы сделали себе уродские лица! – похвастался Трой.

– Зачем вам это понадобилось?

– Потому что это круто!

– Ужасно жаль вас разочаровывать, но это совсем не круто.

– Уроды – это круто, – сказал Джейк. – Крайности выносят мозг.

– Почему вы называете их уродами?

– У «Би-52» была такая песня, «Каменный урод».

– Это то, что сейчас играет?

– Нет, это «Стыдомания», альбом «Чумное поколение».

– Кажется, я видела их на одной из твоих футболок, – сказала Эми. – Они поют так, словно их что-то очень достало.

– Это музыка бунта, – ответил Джейк.

Трой сказал:

– Уродам не нужно писать музыку или носить костюмы, чтобы заявить о себе. Они заявляют о себе самим своим существованием. Просто тем, что они есть.

– В задницу общество! – вставил Джейк.

– Вот именно. Для ребят нашего возраста вся жизнь – тюрьма. Все говорят нам, как жить, даже если мы их не спрашиваем. Вся школа построена на иерархии: кто крутой, а кто не крутой. Отражение иерархии общества. Уроды получают то же самое, потому что они так живут. Наша тюрьма невидима, а у них – абсолютно реальна.

Эми никогда в жизни не слышала ничего тупее. Долгие годы она жила с мыслью о том, как она отличается от других. И в этом не было ровным счетом ничего замечательного. Быть аутистом, изгоем, вынужденным прятаться у всех на виду, – чему тут можно было завидовать?

– Моя старшая сестра ходит в школу в Атланте, – рассказывал тем временем Трой. – И она протестует против апартеида! А у нас, между прочим, в какой-то паре миль отсюда находится Дом, где детей держат под замком! Мы не лучше, чем Южная Африка. Черт, да мы не намного лучше нацистов с их концентрационными лагерями!

Не было смысла с ними спорить. В конце концов, Эми пришла сюда, чтобы повеселиться. Она пренебрежительно махнула рукой:

– Вы можете делать с собой что хотите, но я не собираюсь разрисовывать себе лицо, чтобы выглядеть уродкой. А вот пива я бы выпила, если тут предлагают.

Она присела на бревно рядом с другими девушками и взяла протянутую бутылку «Йинглинга». Опасливо понюхав, отхлебнула и поморщилась от горечи. Напиток пощипывал язык и давал небольшое ощущение тепла.

– Как будто что-нибудь может сделать тебя уродкой, – сказала Салли.

– Сколько нужно выпить, чтобы напиться? – спросила Эми.

– Для кого как, – отозвалась Мишель.

– Ну мне не хочется, чтобы меня стошнило. Я слышала, что так бывает.

– Ты справишься. Просто выпей побольше воды, когда придешь домой. Но если хочешь действительно оттянуться, глотни тутового вина. Тебя мигом сшибет с ног!

– Нет, спасибо. В следующий раз я уташу бутылочку из маминых запасов. У нее весь дом завален бурбоном, она даже не заметит.

– Если ты припрешь бурбон, можешь считать себя членом шайки, – сказала Мишель.

Джейк с Троем продолжали разглагольствовать об отчужденности молодежи. Родители, учителя, президент Рейган – все были против них. Россия с Америкой целились друг в друга ядерными боеголовками. Какие бы ошибки ни делало общество, расплачиваться за них предстояло детям. Детям без будущего, без права голоса в отношении чего бы то ни было.

Они как будто читали друг другу проповеди: их речи казались заученными, словно некий старый ритуал, известный им обоим. У Эми было чувство, что Джейк пытается произвести на нее впечатление, разыгрывая эту сцену. Может быть, ее бойфренд был немножко чересчур увлечен всем этим, но ей было все равно. Его страстность – вот что вызывало в ней интерес. То, как он выступал, а не то, за что он выступал.

Мишель отхлебнула вина из бутылки и скорчила гримасу.

– Я с тобой согласна, Эми. Мне просто нравится делать себе уродское лицо, потому что это весело – разрисовывать лица друг другу!

– Для тебя это просто абстракция, – сказала Салли. – Ведь это так называется? Когда что-то не по-настоящему?

Эми подавила отрыжку.

– Угу. Именно так.

– Абстракция, – повторила Салли. – Даже для Троя с Джейком. Я встречала заразных детей. И я никогда не видела, чтобы на детей изо дня в день валилось столько дерьма. Даже папа иногда обращается с ними плохо. Он даже не понимает, что это плохо!

– Да, им не повезло в жизни, – сказала Мишель. – Здесь я с тобой согласна.

– И они принимают все это так, будто не знают, что хорошо, а что плохо. Для них это нормальное положение вещей.

Эми чувствовала, как ее мозги тяжелеют от пива.

– Я просто хочу жить обычной жизнью. Я не хочу, чтобы в моем мире было чувство вины или уродство.

– Так устроен мир, – отозвалась Салли. – Прекрасное и уродливое идут рука об руку.

Мишель переменяла тему:

– Так что, вы с Джейком теперь типа вместе?

Эми взглянула на Джейка и улыбнулась.

– Да, типа того.

– Из вас выйдет прекрасная пара, – заверила ее Салли.

Эми понравилось, как это звучит: «прекрасная пара».

– Ну да. Он мне тоже очень нравится.

Мишель наклонилась к ней и понизила голос:

– А что, вы уже занимались чем-нибудь? Ну, ты знаешь, как в книжке написано?

– Погоди-ка секундочку, – перебила Салли. – Вы слышали?

– Я ничего...

– Эй! – позвал чей-то голос из кустов.

Дети замерли, прислушиваясь. Ничего, кроме крикливой музыки, разносящейся среди деревьев – еще один певец, сердитый на весь мир.

Салли выключила магнитофон. Мишель спрятала бутылку.

– Кто там? – спросил Джейк.

– Это наше место.

– Твое имя здесь не написано, дружок.

– Ничего, если мы выйдем, чтобы поздороваться? Может быть, посидим с вами у костра?

Джейк повернулся к друзьям и пожал плечами.

– Конечно. Выходите и садитесь, если вы мирные люди.

– Кто это? – шепотом спросил Трой.

– Я знаю этот голос, – сказала Салли.

На свет костра вышел монстр – тощий, похожий на волка, с пронзительно-голубыми человеческими глазами и длинными волосатыми лапами, торчавшими из рукавов, словно ершики для чистки труб.

Глава восьмая

Пес вышел из кустов с широкой улыбкой, радуясь, что встретил новых друзей. Он давно заметил их из зарослей жимолости, но не мог определить, кто они такие. Визгливая музыка, уродливые лица среди теней. Одежда слишком хорошая для диких. Похоже, тоже чумные, как и он, но не из их Дома. Неужели бывают дети, которые живут в настоящем мире, среди нормалов? Он просто не мог оставаться в неведении.

– Выходите! – позвал он Мозга и Уолли. – Все в порядке!

При виде Уолли, выбирающегося из зарослей на своих змеящихся корнях, послышалось несколько испуганных вскриков. Потом к ним присоединился Мозг со своей огромной гривой в форме сердца.

– Дру-зья, – проговорил Уолли.

Пес взгляделся в незнакомцев, и его глаза расширились.

– Ох. Вы не такие, как мы!

– Привет, Енох, – сказала Салли. – Это я, Салли Элбод. Ничего страшного.

Пес вспомнил, как она была к ним добра, как несколько дней назад вынесла им чай со льдом. Он опустил взгляд в землю.

– Здравствуйте, мисс Салли. Простите, что побеспокоили. Мы не хотели никого напугать. Сейчас мы вернемся в Дом и оставим вас одних.

– Не спешите, – прервал один из мальчиков. – Почему бы вам немного не посидеть с нами?

Пес бросил взгляд на Мозга. Тот кивнул:

– Хорошо. Можно и посидеть малость.

Он устроил свой зад на бревне напротив нормалов и принялся смотреть в огонь. Уолли, переваливаясь, подобрался к нему и запустил свои корни в землю. Мозг уселся рядом и выпятил подбородок, словно призывая нормалов отпустить какое-нибудь замечание.

– Я Джейк, – сказал один из мальчиков, прерывая затянувшееся молчание.

Он представил своих друзей. Пес ответил тем же. Нормалы и чумные дети рассматривали друг друга, пытаясь представить себе, каково это – быть такими, как эти, напротив.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросил Джейк. – У нас есть пиво и вино.

– Нам в Доме не разрешают пить, – ответил Пес.

– Я не спрашивал, что вам разрешают. Я спрашивал, хотите ли вы.

Пес покосился на Мозга. Тот покачал головой:

– Спасибо, но, наверное, не надо.

– Почему ваши лица так разрисованы? – спросил Мозг у парня по имени Трой.

– В знак солидарности с вами. Чтобы показать, что мы понимаем, каково вам приходится, и сочувствуем вам. Мы на вашей стороне.

Пес не мог его понять. Если они на одной стороне, то почему эти ребята так напуганы? Он чуял запах их страха, кислый и едкий. Они сидели так, словно были готовы в любой момент дать деру.

– Вы когда-нибудь бывали в Доме? – спросил Мозг.

– Нет, – ответил Трой. – Никогда.

– В таком случае что вы можете знать о нашей борьбе?

Какое-то время все молчали.

– Мы боимся, – призналась Мишель. – Я не хочу больше бояться. Я хочу всех любить. И я не хочу, чтобы вы меня ненавидели. Вот что я чувствую.

– Мы вас не ненавидим, – ответил Мозг. – Мы боимся вас больше, чем вы нас.

– Правда?

– Вся власть в ваших руках. Вы держите все под контролем.

– Ну я-то ничего не контролирую. Я просто ребенок.

– Мы ненавидим систему, которая нас разделяет, – сказал Джейк. – Мы хотим низвергнуть ее.

– Ну так низвергните, – ответил Мозг. – Иначе придет день, когда мы возьмемся за это сами.

Пес внутренне съёжился от того, насколько сурово Мозг разговаривал с этими ребятами, которые прилагали все усилия, чтобы вести себя приветливо и дружелюбно. Ему никогда не приходилось вот так сидеть и разговаривать с нормалами. Он не хотел, чтобы Мозг все испортил.

– Мы очень вам благодарны, мисс Салли, – сказал он. – Что вы позволяете нам сидеть здесь с вами.

– Здесь я просто Салли, Енох. Это такое специальное место, мы все здесь равны.

Пес улыбнулся. Его пронизал поток чистой любви. Она была единственной из нормалов, кто обращался с ним как с нормальным парнем. И благодаря этому он чувствовал себя особенным. Может быть, она единственная среди них видела его таким, каков он есть на самом деле. Если поцелуй мог превратить лягушку в принца, очевидно, принц скрывался в этой лягушке с самого начала?

Мишель перевела взгляд на Уолли:

– Из чего ты сделан?

Резиновые губы Уолли растянулись в широчайшей улыбке.

– Сделан из ма-мы!

– Ох, боже мой! Да ты просто прелесть!

Склоняя голову то на одну сторону, то на другую, он продолжал улыбаться, плотно закрыв глаза. Два его корня скользнули вверх, к лицу, держа губную гармошку, на которой он принялся выдувать мелодию Джина Отри.

– Как мило! – воскликнула Мишель.

– Я и не знала, что ты умеешь играть на губной гармошке, – сказала Салли.

Пес спросил:

– Что это была за музыка, которая играла у вас в ящике?

– Подборка разных песен, которую я составил, – ответил Джейк.

Уолли опустил гармошку.

– Слушать!

Наклонившись, Джейк снова включил магнитофон. Гитары и барабаны взревели, устремляясь к небу.

«Они заперли их, чтоб мы не догадались, что эти уроды такие же, как мы. Уроды и монстры – это я и ты.

Ошибка природы! Ошибка бога! Люди, очнитесь! Потом будет поздно!»

– Он имеет в виду нас, – проговорил Мозг.

– Совершенно верно, – ответил Джейк. – Что ты об этом думаешь?

– Он понял все неправильно.

– Почему это?

– Мы не ошибка. С чего это вдруг мы отрицаем естественный порядок, если мы созданы природой? Как мы можем быть ошибкой, если Бог создал нас такими, какие мы есть?

– Надо же, – сказала Мишель. – Он говорит совсем как мистер Бенсон.

– Эти музыканты совершают тот же грех, что и общество, против которого они выступают, – продолжал Мозг. – Они пытаются навязать нам свою историю. Мы – чудовища, прячущиеся под кроватью. Мы – мятежники, вторгающиеся в мирную жизнь граждан. Но на самом деле мы ни то и ни другое, и нам вовсе не нравится, когда нас используют.

Джейк ошеломленно смотрел на него.

– Не могу поверить, что я действительно говорю с вами об этом. Что ты имеешь в виду, говоря, что вам навязывают чужую историю?

– Мы – чистый лист, только в негативе. Проще простого спроецировать на нас необъяснимое. Чем больше тайны, тем больше страха. Мы – козлы отпущения человеческого рода. Именно так оправдывается узаконенная жестокость. Поэтому нас помещают в полуразвалившиеся Дома и лишают прав, положенных нам от рождения.

– Совершенно верно! Именно это они и делают. Я просто хотел сказать...

– А другие превращают нас в символы своего протеста против угнетения, – продолжал Мозг. – Они проецируют на нас свое нетерпение и желание поскорее самим стать новыми хозяевами. Изображают нас какими-то благородными дикарями. Они тоже нас используют, просто по-другому.

– Хорошо, в таком случае кто же вы?

– Я тебе скажу. Но сперва ты скажи мне, чего ты хочешь от жизни.

– Пожалуй, только этого и хочу, – ответил Джейк. – Жить своей собственной жизнью. Иметь возможность сделать что-то свое. Что-то изменить. Хочу любить. Хочу, чтобы меня уважали. Я хочу...

На самом деле он хотел всего.

– Ну разумеется, – сказал Мозг. – И мы хотим в точности того же самого. Мы задаемся теми же вопросами, что и вы. Почему я здесь? Кто сможет меня полюбить? Почему я родился на свет? Это и есть великая тайна всех мутантов, которую никто не может понять. Вот кто мы такие: мы люди, заслуживающие иметь те же возможности, что и все остальные. Люди, желающие хотя бы немного контролировать собственную жизнь. Не больше, но и не меньше.

– И вы должны добиться этого, так же как и мы, – подхватил Джейк. – Я с тобой абсолютно согласен.

– Я это ценю. Но это – наша битва. Любой, кто хочет вступить в нее, должен пожертвовать всем. Стать таким же, как мы. Не раскрашивать себе лицо, а найти пластического хирурга и превратиться в настоящего монстра. Отправиться жить в один из Домов. Тогда это действительно будет тебя касаться, тогда ты по-настоящему поймешь, за что мы боремся. До тех пор все остальное – лишь снисходительная экскурсия.

Очевидно, Джейк не был готов к такому повороту.

– М-да. Над этим стоит подумать.

Псу очень хотелось, чтобы Мозг наконец заткнулся. Такое прекрасное сборище, а он все портил. Он словно бы хотел сказать, что все нормы плохие – но ведь нормы тоже не все одинаковые, так же как и чумные. Сперва эти ребята его боялись, а сейчас уже расслабились. Они были добры. Не все курицы заклеивают слабых.

Он пожалел, что с ними нет Болвана. Вот кто сейчас разрядил бы атмосферу, развеселил бы всех своим перевернутым лицом и своей манерой заканчивать чужие фразы. Какое-то время Пес смотрел на девушку, которую звали Эми. На протяжении всего разговора она сидела бледная и напряженная, в ее глазах читались гнев и злость.

– Эй, кузина, – позвал он.

Девушка побледнела еще больше и качнула головой.

Мозг положил изящную руку Псу на плечо и слегка сжал, предупреждая.

– Мой друг Пес хочет сказать, что вы не похожи на других девушек, мисс.

– Спасибо, – отозвалась Эми.

– Эгей! Кажись, у нас здесь вечеринка! – раздался вдруг голос откуда-то сзади.

– Шухер, – негромко сказал Трой.

Бутылки исчезли в мгновение ока.

Из леса вышел человек в ковбойской шляпе и форме цвета хаки. Оглядевшись вокруг, он кивнул на магнитофон:

– Вырубите-ка это безобразие, если никто не против.

Джейк беспрекословно повиновался.

– Здрасте, шериф.

Он разыгрывал невозмутимость, но Пес знал, что на самом деле он испуган.

– Засунь свое здрасте куда подальше, паренек, – отозвался шериф. – Что у вас здесь происходит?

– Просто сидим, сэр, – ответил Трой. – Слушаем музыку, разговариваем.

– Ну да, ну да. Вашу так называемую «музыку» слышно за милю отсюда... Боже милосердный! Что вы сотворили со своими лицами, черт подери?

– Так, глупости, сэр. Решили прикинуться, будто мы монстры.

– Именно что глупости. Глупее не придумаешь. Давайте-ка, собирайтесь. Мишель, твой папаша злой как черт и разыскивает тебя повсюду.

Взгляд девушки опустился на ее руки, сложенные на коленях.

– Прошу прощения, шериф.

– Только приведи себя в порядок сперва. Гром и молния, девчонка! Неужто ты так хочешь быть на них похожей? Они сами-то не хотят быть похожими на себя!

– Шир-риф! – ликуяще проговорил Уолли.

– Ну а вы, сыновья Каина? Что вы скажете о себе? Что у вас за тайные сборища?

– Мы... – начал Пес.

Его голос пискнул и сорвался. Он стоял, уставившись на значок шерифа и большой пистолет у него на бедре.

– Ну, парень, продолжай. Выкладывай все как на духу.

– Мы просто пошли погулять, сэр. Просто так получилось, что мы натолкнулись друг на друга.

– Да неужто, – отозвался шериф.

– Мы просто подошли поздороваться. Мы не хотели ничего плохого, сэр.

– А как насчет тебя, горилла? Что-то ты больно злобно уставился. Может, хочешь врезать представителю закона? Так я к твоим услугам. Давай, размахнись как следует.

– Нет, – сказал Мозг.

– Ты что, парень, дерзить вздумал? «Нет» – а дальше?

– Нет, сэр.

– Я думал, в Доме вас учат вести себя вежливо. Может, тебе самому нужно врезать, а? Так я могу. Отделаю тебя так, что мама не горюй. Что ты скажешь на такое мое предложение?

– Скажу, что мне бы этого не хотелось, сэр.

Занесенный кулак шерифа двинулся в его сторону. Мозг вскрикнул и отпрянул, прикрывая лицо маленькими руками. Его уже били прежде – как и всех, кто жил в Доме.

– Так я и думал, – удовлетворенно проговорил шериф.

– Мы очень сожалеем, сэр, – сказал Пес. – Не бейте нас. Мы больше не будем, честное слово.

– Вы, чудики, слушайте сюда: держитесь подальше от нормальных ребят! В следующий раз предупреждать не стану. Просто сниму ремень и спущу с вас шкуру. Поняли?

– Да, сэр!

– А теперь давайте проваливайте, пока я не передумал и не посадил вас под замок на всю ночь.

– Шир-риф! – повторил Уолли, лучась восторгом.

Суровое лицо шерифа немного смягчилось.

– Ты тоже, Эдвард. Давай топай отсюда.

Они пошли напрямик через лес. Пес мелко и часто дышал. Учителя бывали с ними грубы, но никогда в жизни он не испытывал такого ужаса, такого стыда.

– Ты видишь? – спросил Мозг. – Видишь, что они делают?

Пес стрелой метнулся в заросли.

– Эй, ты куда? – прокричал вслед ему Мозг.

Не отвечая, Пес продолжал ломиться сквозь кусты. Он мог бежать быстрее кого угодно. Его особый талант. Лианы кудзу, пристанище ядовитых змей, стенами заплетали лес. Ему было все равно. Он просто бежал вперед.

Он не останавливался, пока не добрался до спального барака. Ребята сопели в темноте. В углах шмыгали тараканы. Пахло пылью и плесенью. Пес забрался в свою серую от грязи постель и лежал, поскуливая, пока его не одолел сон.

Глава девятая

Болван шел по коридору следом за верзилой охранником. Он никак не мог поверить в то, что это место существует: тут было так чисто, светло и пахло дезинфекцией. Божий дар человечеству – кондиционированный воздух. Ему нравился звук, который издавали ботинки охранника, соприкасаясь с полом: «кляц! кляц!». Позвякивание ключей и инструментов, которыми был увешан его пояс. Все это звучало очень значительно и официально. Болван расправил спину, догнал охранника и зашагал рядом в своей пижаме и шлепанцах.

– Это тюрьма? – спросил он.

Охранник не ответил.

– Просто это очень похоже на тюрьму, – повторил попытку Болван.

Безуспешно.

Охранник был самым огромным человеком, какого Болвану доводилось видеть. Высокий и широкий, как стена. Его лысая голова белым холмиком торчала между массивными плечами. Обильная плоть подрагивала при каждом шаге. Он был похож на гигантского младенца в полицейской униформе.

Болван принялся фантазировать. Охранник сопровождает его на важное совещание. Все члены кабинета уже на местах, решая, начинать войну или нет. Ракеты в стартовых установках готовы к запуску. Судьбы свободного мира замерли в нерешительности.

– Поторопимся, – сказал он. – Нам придется дорого заплатить, если русские ударят первыми.

Охранник, нахмурясь, посмотрел на него. Болван отвечал широкой улыбкой, которая на его лице выглядела печальной гримасой.

– Нет, серьезно, – сказал он. – Это что-то вроде тюрьмы, так ведь?

Охранник вздохнул, но продолжал хранить молчание. Они подошли к двери. Великан отворил ее и насмешливым взмахом руки пригласил Болвана войти.

– Передайте президенту, что я задерживаюсь, – сказал ему Болван.

Посередине ярко освещенной белой комнаты за стальным столом сидел агент Шеклтон. Перед ним был разложен набор из Макдоналдса.

– Присаживайся, Джефф, – проговорил он с набитым ртом. Он ел чизбургер.

Болван занял место напротив.

– Вы достали для меня шляпу? Вы обещали, что достанете.

– Все хорошие вещи достаются...

– ...тем, кто умеет ждать. Я жду уже три дня.

– Quid pro quo. Ты ведь знаешь, что...

– ...это значит? Нет, не знаю.

– Это значит, что если ты почешешь мне спину, то я почешу твою, – пояснил Шеклтон. – Можешь взять у меня картошки, она еще теплая. И один бургер еще остался, если ты хочешь.

Болван запихал в рот пригоршню жареного картофеля и принялся жевать, испытывая состояние высочайшего блаженства. Пища богов! За всю его жизнь в Доме ему не доводилось пробовать ничего подобного. На его вкусовых бугорках танцевали ангелы. Он запил съеденное глотком кока-колы.

– Я ничего не могу почесать, – сказал он. – Я даже не знаю, почему я здесь.

– Этот твой фокус, когда ты договариваешь за людей то, что они собираются сказать...

– ...расскажи мне о нем поподробнее. С радостью, мистер Шеклтон. Это началось около шести месяцев назад. Я целый урок заканчивал фразы за мисс Оливер. Она так удивилась, что даже не ругалась. Все просто загибались от хохота, это было ужасно весело!

– Не сомневаюсь, что это было забавно.

– Видели бы вы! Все просто по полу валялись.

– А что конкретно при этом происходит?

Болван поднял указательный палец, показывая, что сперва ему необходимо дожевать новую пригоршню жареного картофеля. Шеклтон воспользовался паузой, чтобы закурить сигарету и выпустить облако дыма. Болван проглотил еду и снова набрал в грудь воздуха.

– Я как бы вижу то, что люди собираются сказать, оно написано передо мной большими желтыми буквами. Как в «Улице Сезам» – знаете, когда этот парень показывал номер с Большой Птицей, собакой Оскаром и котом Коржиком? Только на самом деле я ничего не читаю. Я вообще плохо умею читать.

– Поразительно.

– Угу. Так что, теперь я получу шляпу?

– Скоро получишь... На вот, можешь доесть всю мою картошку... Надо сказать, ты очень необычный молодой человек. Необычный в том смысле, что никто в мире не может делать того, что делаешь ты.

– Наверное, это здорово.

– А если ты будешь слушать запись? Сможешь повторить свой фокус?

– В смысле, как если бы я слушал песню или смотрел кино?

– Совершенно верно.

– Да, так я тоже могу, – сообщил Болван.

Агент затянулся и выпустил новый клуб дыма.

– Допустим, что песню передают по радио и сигнал на несколько секунд прерывается? Ты сможешь сказать, какие были слова в том месте, где слышны только шумы?

– Наверное. Я не знаю. Не помню, было у меня такое или нет.

– А если, например, я начну говорить о чем-нибудь узкоспециальном, используя множество терминов, которых ты не понимаешь? Ты по-прежнему сможешь их прочитать? Или, например, если я буду говорить по-русски? Или на другом незнакомом тебе языке?

Болван пожал плечами.

– Про это тоже не могу сказать. Можно попробовать, если хотите.

Шеклтон затушил сигарету в пепельнице на своем столе. Встал, подошел к вмонтированному в стену телефону. В его голове уже проигрывались возможности применения такой способности, которые стоило бы проверить, главным образом в области разведки. Надеть на парнишку наушники – и, может быть, он сможет записывать для них разговоры на русском! Заполнять пробелы в существующих записях. Может быть, даже пересказывать разговоры в реальном времени, просто наблюдая за собеседниками в бинокль.

Сняв трубку, он набрал номер и попросил кого-нибудь из лабораторных специалистов спуститься к ним во второй кабинет. Уголкем глаза он заметил, как чудик стащил со стола авторучку и намалевал на своем подбородке два мультяшных глаза. Невероятно! Покончив с этим, парень принялся запихивать чизбургер в дыру посреди своего странного перевернутого лица.

– Как бы ты посмотрел на то, чтобы стать секретным агентом? – спросил его Шеклтон.

– Вы серьезно? – спросил парень с набитыми щеками.

– Серьезнее не бывает.

– Я поверю в это, только когда увижу мою шляпу.

– Будет тебе хоть десять шляп, если захочешь, – пообещал Шеклтон.

– Только чтоб фетровая! А домой я когда-нибудь вернусь?

– Тебе придется остаться здесь на долгое время...

– ...пока мы не закончим тестирование. Понятно. Так это все-таки тюрьма или нет?

Шеклтон вернулся к своему стулу, уселся и скрестил лодыжки на поверхности стола.

– Нет. Это не тюрьма.

– А что тогда?

– Мы называем это «Особым Учреждением». Сюда приводят необычных детей, таких, как ты. Если ты хорошо себя зарекомендуешь, то обязательно с ними встретишься. Они станут твоими новыми друзьями.

– Вы могли бы привести сюда моих настоящих друзей, – предложил Болван. – Раз уж мы чешем друг другу спины.

Шеклтон улыбнулся.

– Пока что ты не вправе высказывать подобные требования.

В комнату вошел длинноволосый молодой человек в лабораторном халате. Он воззрился на чудика сквозь сверкающие линзы своих очков в стальной оправе.

– Это ваш новый подопытный?

– Да, – ответил Шеклтон. – Сядьте лицом к нему.

– Он ведь не опасен? Ничего такого, правда?

– Да сядьте вы, наконец, и расслабьтесь! Благодарю вас. Джефф, это Зак, он работает в исследовательской группе. Сейчас он расскажет тебе, что он знает о заболевании.

Паренек облизал соль с пальцев.

– Наверное, это очень интересно. Слушаю с нетерпением.

– Привет, Джефф, – сказал Зак. – Так ты хочешь узнать о патогенном факторе?

– Ну да, почему бы нет.

– Патогенные микроорганизмы – это такие маленькие организмы, которые вызывают различные заболевания, например возбудители гриппа. Правда, в нашем случае речь идет о бактерии, а не о вирусе. Формой она напоминает свернувшегося червяка...

Чумной парень раскрыл было рот, чтобы встрять, но Шеклтон опередил его:

– Прошу вас, Зак, говорите с ним так, как говорили бы с коллегой. Используйте необходимую специальную терминологию, как в обычном деловом разговоре.

– Как скажете.

Взгляд лаборанта переходил от нарисованных глаз парня к настоящим и обратно.

– Ну ладно, Джефф. Конгенитальный мутагенез подобного вида является заболеванием, которое передается половым путем...

– ...видом *Treponema pallidum*, – закончил малыш.

– Совершенно верно. Очень хорошо. Это одна из крайне вирулентных родственных форм сифилиса...

– ...грам-отрицательная, подвижная бактерия спирохеты, бессимптомная у взрослых носителей.

– Верно, – подтвердил Зак, нахмутив брови. – Тем не менее при передаче ее...

– ...плоду она вызывает возникновение хронических гуммозных тканей, корректирующих эмбриональное развитие.

– Мать пресвятая! – воскликнул Зак. – Как ты это делаешь?

Чумной паренек покосился на Шеклтону, сверкнув зубастой улыбкой.

– Вы были правы: я не понял ни единого слова!

Ученый, кажется, рассердился.

– Да что здесь происходит?

– Вы мне больше не нужны, Зак, – сказал ему Шеклтон. – Возвращайтесь...

– ...в лабораторию, и спасибо вам, – закончил за него парень.

Шеклтон улыбнулся. Этот маленький уродец был его счастливым билетом!

Он проработал в Бюро три года, объезжая один дерьмовый Дом за другим, перекладывая бумажки и ища способа сбежать. Потом все вдруг изменилось. У некоторых детей начали проявляться способности – совершенно сумасшедшие способности. За несколько дней они

превратились в достояние национальной безопасности, зародыш гонки вооружений в паранормальной области. У русских имелись свои уродцы, у нас свои. Второсортные, давно исчерпавшие себя работники Бюро вдруг принялись бороться за то, кто сумеет откопать наиболее ценный экземпляр.

В прошлом году необычные способности проявились лишь у нескольких монстров. В этом году – у небольшого числа. В следующем их может быть уже много. Их может оказаться так много, что полевые агенты Бюро начнут получать квоты, а не вознаграждения. Однако на данный момент это все еще была девственная территория. Агент, нашедший особо ценную особь, мог получить повышение вплоть до руководящего звена. Как знать, может быть, через пять лет он сможет даже стать директором.

По личному мнению Шеклтона, уродцам было давно пора чем-то отплатить родной стране за заботу. На протяжении последних четырнадцати лет экономика США хромала от одного спада к другому. Содержание всей этой оравы, словно черная дыра, засасывало деньги налогоплательщиков, даже при урезанном до минимума финансировании. Миллионы долларов были потрачены на поиски лекарства, которое так и не было найдено. Повсюду, куда ни пойдешь, процветали религиозные культы, паранойя и суеверия. Уотергейт и Вьетнам по-прежнему тяготили всех и вся. Впервые после эпидемии «черной смерти» в четырнадцатом веке население мира сокращалось больше десятилетия. Каждые четыре года с момента появления заразы избирался новый президент, обещавший восстановить славу Америки, старые добрые времена, расцвет страны, жесткую линию в отношении внутренней неразберихи и Советов за рубежом. Однако страна с каждым годом продолжала все больше разваливаться, отползая назад, вместо того чтобы продвигаться вперед.

Кто бы подумал, что эти дети могут оказаться ключом к восстановлению статуса Америки как супердержавы? Что такой вот надоедливый тощий бесенок с перевернутым лицом может сыграть роль в подобном историческом событии?

Армия США вложила серьезные ресурсы в милитаризацию паранормальных проявлений. Проект «Гриль», так они его называли. Сперва парни сидели в кабинете, пытались зарисовать далеко расположенные военные базы Советов – и получая на выходе черт знает что. Потом агент Фишер нашел паренька, который мог по-настоящему видеть на расстоянии. Агент Каплан откопал другого, который мог слышать то, что говорят люди за милю от него. Телекинез, пирокинез, ясновидение, паратактильность... Невозможное делалось возможным. Теперь это стало не просто возможным, но превратилось в рутину, в один из видов службы у правительства Соединенных Штатов.

Перед Шеклтоном разворачивалось будущее, в котором эти дети превратятся в оружие или будут проданы промышленным отраслям. Где зараженные пары будут за особую плату делать новых детей. Где эксперименты, проводимые Заком и другими яйцеголовыми из исследовательской группы, разгадают генетический источник сверхспособностей этих детей.

После чего такие способности можно будет синтезировать. Один укол – и ты умеешь читать мысли. Ты умеешь летать!

Люди станут подобны богам.

– Джефф, – произнес он, – мне кажется, ты заслужил...

– ...свою шляпу, – закончил ребенок.

Шеклтон нахмурился. Он был уверен, что собирался сказать, что паренек заслужил себе место в Бюро. Но, впрочем, да, он достанет уродцу шляпу. Это меньшее, что он мог для него сделать.

Глава десятая

Салли брела по узкой грунтовке, ведущей к Дому призрения тератогенетических больных округа Старк. По обеим сторонам дороги теснились кусты жимолости. Ветер шептал в листьях косматых гикори. Белки стремглав взлетали на ветви деревьев, когда она проходила мимо. Ее голые ноги дрожали, протестуя против каждого шага.

В ней кипело возмущение от того, как шериф Бертон обошелся с этими несчастными зараженными детьми. Он угрожал им, довел до состояния панического ужаса, – а она и ее друзья отделались всего лишь легким выговором! Ей вспомнились слова Джорджа о том, что на самом деле они живут в разных мирах. А также то, что говорил мистер Бенсон: что однажды им всем придется жить вместе. Ей хотелось сделать для них что-то большее, чем просто напоить чаем со льдом. Поэтому она решила пойти и посмотреть, как выглядит их мир. Может быть, навестить их, удостовериться, что у них все в порядке.

Салли чувствовала свою ответственность за них, но сейчас она также чувствовала себя глупой и напуганной. Она не знала этих детей по-настоящему, хотя они и работали на ферме уже много лет. Она не знала, что они выбирают гулять в лес, не думала о том, что с ними происходит, не подозревала, что они дают друг другу особые имена, играют собственную музыку. Вся их жизнь была для нее чуждой. Возможно, они воспримут ее приход как продолжение игры в уродов.

Хуже того, возможно, из-за нее у них возникнут новые неприятности, которых у них и без того хватает.

Все это было так несправедливо!

Она замерла, услышав в кустах какое-то шевеление. Среди деревьев кто-то прятался! Салли обернулась. Еще не поздно сбежать, вернуться домой... Потом она вдохнула поглубже и выпятила подбородок. Может быть, она и была как две капли воды похожа на свою мать, но внутри она была вылитый папа: стоило ей что-то решить, и ее было уже не свернуть с дороги.

Собравшись с духом, Салли продолжила путь. «Все хорошо, – уговаривала она себя, повторяя слова вслух, как защитное заклинание. – Мне совершенно нечего бояться».

Наконец перед ней показался Дом – просторный старинный особняк, окруженный ветхими строениями. Все постройки давно пришли в запустение. Некогда здесь была процветающая плантация, покинутая вскоре после Войны за Конфедерацию. Почти столетие территория оставалась заброшенной, после чего ею завладел лес, как бы в напоминание о том, что у природы гораздо больше сил, чем у человека. Цепкие ветви дубов с длинными бородами испанского мха затеняли заросший сорняками двор. С толстого высохшего сука свисали качели, сделанные из автомобильной покрышки. Во влажном воздухе слышался запах гнили.

На старой заросшей клумбе среди сорной травы пробивался единственный цветок – белая роза чероки, часто встречающаяся вдоль Тропы Слез. На протяжении великого переселения индейских племен в западные резервации множество детей погибло, и из слез их матерей выросли эти белые цветки, вдоль всего пути до Оклахомы. Это была единственная искорка жизни и красоты среди царящего здесь убожества и упадка. Единственная слеза, пролитая за чумных детей.

Не видя никого вокруг, Салли прошла ко входной двери и позвонила. Дом наполнился надтреснутым дребезжанием. Ответа не было. Словно бы все обитатели собрали свои пожитки и куда-то уехали. Она уже собиралась позвонить снова, когда дверь со скрипом отворилась. Ее обдал поток теплого, затхлого дыхания Дома, вкупе со странными звуками – ухающими, рычащими, хлопающими.

На пороге стоял человек в джинсах и футболке.

– Вы что, заблудились?

– Я Салли Элбод. Папа послал меня сюда навестить Еноха, Джорджа и Эдварда. Уточнить, придут ли они завтра. Они ведь здесь? У папы для них важное задание на эту неделю. Надо убирать хлопок.

Это была хорошая ложь. Самая хорошая ложь всегда имеет в сердцевине зернышко правды.

Человек почесал одну щеку. На его предплечьях шевелились, извиваясь, грубые татуировки.

– Так, значит, вы дочка Реджи?

– Э-э, да, верно, мистер...

– Боуи. Рэй Боуи.

– Мистер Боуи, могу я увидеть этих ребят хотя бы на минутку? Пожалуйста!

– Ребят? Вы точно не хотите поговорить с их учителем?

Салли судорожно искала подходящий ответ. Разумеется, мистер Боуи предпочел бы привести к ней мистера Гейнса! Она решила действовать наглостью:

– Ну поскольку сегодня воскресенье и мистер Гейнс выходной, мне будет достаточно и просто ребят.

– Большинство из них шляется по лесу, но я пойду гляну, может, ваша команда и действительно на месте. Подождите здесь, милочка.

Дверь с треском захлопнулась, так что вздрогнули половицы веранды. Салли принялась разглядывать облупившуюся краску на стенах. Дотронулась до одной отшелушившейся чешуйки и проследила взглядом, когда та спланировала к ее ногам. Наклонившись, она попробовала заглянуть в большое треснутое венецианское окно, но занавески были задернуты. Изнутри дома доносился приглушенный шум, удары и чей-то рык.

Боже, что за место! Ей не следовало сюда приходить.

Заскрипев, дверь снова отворилась, и наружу вышел Дэйв Гейнс.

– Рэй сообщил мне, что нас навестила горячая крошка с хорошенькой мордашкой. Что вы здесь делаете, мисс Салли?

Наглость, напомнила себе Салли. Наглость – второе счастье.

– Я пришла проведать ребят и убедиться, что они придут к нам завтра.

– Да неужто?

От учителя разило пивом.

– Вот именно. А вы почему здесь? Разве вы работаете в воскресенье?

– Меня вызвал директор, хотел, чтобы я кое-что сделал. Так вы хотите сказать, что проделали весь этот путь, только чтобы узнать о ребятах? Точно не для того, чтобы повидаться со мной?

– Я не просила о встрече с вами, мистер Гейнс. Но поскольку вы здесь, прошу вас, сделайте вашу работу, за которую папа вам платит, и приведите мальчиков.

– Я не работаю на вашего папу, – отозвался учитель. – И в любом случае, если вы хотите, чтобы к вам пришли ребята, спрашивать нужно меня, а не их.

Его здоровый глаз уставился на ее грудь, потом опустился к голым коленкам, торчащим из-под подола платья. Когда он глядел вниз, оба его глаза оказывались смотрящими в одном направлении.

Она скрестила на груди руки.

– Что я вам говорила насчет развязного поведения? Вы пьяны, мистер Гейнс!

– Как я уже сказал, сегодня воскресенье. Хочешь пива?

– Держите себя прилично!

– А знаешь что я думаю? Я думаю, что твой папа вообще никуда тебя не посылал.

– Мы всегда можем спросить его самого и послушать, что он ответит.

– Спорим, твой папа даже не знает, что ты здесь.

Он шагнул к ней, и Салли отпрянула.

– Держитесь от меня подальше!

– А что мне будет?

– Только попробуйте до меня дотронуться! Думаете, папа вас убьет? Нет, это сделаю я!

Мое лицо будет последним, что вы увидите.

Учитель запрокинул голову и расхохотался.

– Оно того стоит! У вас на ферме столько белокурых милашек, но ты единственная девчонка, за которую стоит подраться!

– В такую драку вам лучше не ввязываться, поверьте мне.

– Ты девчонка с характером, вот только мозги у тебя набекрень. Ты не позволяешь мужчине сделать тебе комплимент, а к этим кукукнутым неровно дышишь. Чего-то я здесь не понимаю.

– Почему вы их так называете? Они ведь не сумасшедшие.

– Я говорил о птичках. Тех самых, которые откладывают яйца в чужие гнезда. Их детеныши вылупляются и отбирают еду у законных птенцов. Заставляют их родителей себя кормить.

– Как отвратительно вы о них думаете.

– А ты что, считаешь, они святые? В них святости не больше, чем во мне, даже если я постараюсь. И не больше, чем в тебе – там, внутри. Когда ты лежишь одна в постели в жаркую ночь... Да, я вижу, ты пришла сюда не для того, чтобы повидать каких-то там чудиков.

Он сделал еще один шаг по направлению к ней.

– Держитесь от меня подальше, – предупредила она.

– Я знаю, чего тебе надо, – проговорил мистер Гейнс. – Может, пройдем за дом, чтобы поговорить обстоятельно?

Вся наигранная смелость слетела с Салли от одной возможности того, что он будет лежать на ней сверху, вдавливая ее в грязь. Втискивая себя между ее ног, дыша в ее лицо кислым пивом. Вынуждая ее принять в себя его семя, может быть, кишасщее бациллами. Крошечные червячки внутри ее тела, дающие начало чудовищному ребенку, который будет жить в этом же доме...

Она бросилась бежать.

Заросший двор плыл в ее глазах. В ушах грохотало и ревело. Что-то пряталось среди деревьев. Издевательский хохот мистера Гейнса сопровождал ее на всем пути до окружного шоссе.

Он с восхищением смотрел ей вслед. Она стремглав неслась через двор, светлые волосы летели по ветру, под тоненьким платьем сокращались упругие мышцы. Мелькали голые ноги. Не девочка, а конфетка.

Дэйв Гейнс не первый год возил чудиков на ферму Элбода, и до этого момента не обращал большого внимания на черноглазую младшенькую. Но теперь... Теперь она была почти взрослой. Зрелой, как сладкая джорджийская груша, – оставалось только сорвать и съесть.

Молодая, симпатичная, незаразная. Но это далеко не все, что привлекало в ней Гейнса. Он не кривил душой, когда говорил, что она девчонка с характером. Только посмотреть, как она расхаживает по ферме, словно маленькая босоногая Скарлетт О'Хара, – на него поглядывает свысока, как на наемного работника, а своим любимчикам прислуживает, приносит им чай со льдом. Столько огня, который только и ищет, кого бы обжечь... В постели она будет настоящей тигрицей, он знал это, – нужно только как следует ее разогреть и обучить паре штук. Он будет с ней нежным или жестким, как она пожелает. Что бы ей ни нравилось – он даст ей это, если только она согласится давать то, что нужно ему. Когда укрощаешь дикое животное, идея не в том, чтобы сломить его дух, но в том, чтобы заставить его подчиняться твоим

командам. Сделать так, чтобы весь этот пылкий характер работал на тебя и на то, чтобы тебя удовлетворить.

Ему нравилось с ней заигрывать, но до сих пор он не думал, что это может к чему-то привести. Теперь он увидел перед собой открытую дверь. Она прошла весь этот путь якобы только ради того, чтобы проведать чудиков! Кого она пытается обмануть? Пусть ее убегает; очень скоро она вернется назад, о да! Она хочет его, даже если сама пока этого не знает. От него требуется только не сбавлять пар до тех пор, пока ее мозги и тело не найдут общий язык. Хорошо, что он сегодня выпил, – это придало ему смелости. Позволило сказать ей прямо, что он имеет в виду и чего хочет. Так делают свои дела мужчины.

Ее белое платье мелькало среди деревьев, словно огонь свечи в темноте. Потом оно пропало из виду. В доме его ждали Боуи и директор. Старик Уиллард в своем обычном костюме-тройке, без пиджака, с закатанными рукавами. Библия на стальной раковине рядом с инструментами. Готовый преподать очередному непокорному чудику душеспасительный урок страха Божьего и уважения к правилам Дома. Грязная работа, но благодаря ей Гейнс со своим парнишкой имели крышу над головой.

Фыркнув в последний раз, Гейнс вошел в дом. Его обдало вонью застарелого пота и плесени. Он двинулся в направлении Дисциплинарной, где так или иначе оказывались все проблемные дети.

Глава одиннадцатая

Настал понедельник. Коридоры школы завибрировали от пронзительного звонка, потом наполнились топочущими детьми. Выбравшись из-за своих парт, ребята болтали, хлопали дверьми шкафчиков, запихивали в сумки учебники и тетрадки, готовясь отправиться домой. Потом они высыпали наружу.

Во дворе сияло ослепительное солнце. Дворник ленивыми кругами возил по траве газокосилку. Большие желтые автобусы стояли с заведенными моторами, готовые развозить детей по домам. В горячем воздухе жужжали насекомые. Остаток дня принадлежал детям.

Дальше могло случиться что угодно. Обычно ничего особенного не случалось – но могло, и это было важно. Высвобождая накопившуюся энергию, все визжали и хохотали, за исключением Джейка и его друзей, хмуро глядевших в землю.

Эми заметила унылый вид своих друзей.

– Эй, какая муха вас всех покусала?

– Папаша задал мне такую выволочку, что мне больше не смешно, – отозвалась Мишель.

– Они что, заметили, что ты сперла вино?

– Не-а. Проблема в том, что мы говорили с чумными. Оказывается, это не меньше как преступление против человечества. Я жалею, что вообще их встретила!

Трой подобрал с земли камешек и запустил его вдоль дороги.

– Пойдем пройдемся до магазина. Возьмем себе по кока-коле или еще что-нибудь.

– У меня нет денег, – сказала Салли. – Но я не против позависать с вами.

Остальные отвечали кивками. Они были согласны пропустить свои автобусы, чтобы побыть вместе и поговорить. Сходить в магазин, купить лимонада. Главное – вернуться домой прежде чем стемнеет.

– Я с тобой поделюсь, – сказал Трой.

Салли не поблагодарила его за предложение. Она казалась погруженной в свои мысли. Мишель сказала, что пойдет с ними, если сможет вернуться домой к пяти часам и ни минутой позже.

– А как насчет тебя? – спросила Эми у Джейка. – Тебя отец тоже отругал?

– Я сказал ему, что мы все создания Божьи и что Иисус велел любить слабых. И что если он не согласен, то может засунуть свое мнение куда подальше.

Услышав это, ребята рассмеялись.

– Ты правда так и сказал?

– Ну не совсем такими словами, но вообще-то да. Папино адское пламя меня не пугает.

– Тогда почему ты сегодня такой злой?

Джейк остановился и уставился на нее.

– Ты правда не понимаешь?

– Что? Я что-то не так сделала?

Ее окатила волна отчаяния. Подбородок задрожал. Такой прекрасный день, такое яркое солнце, и школа закончилась! Не может быть, чтобы он уже собирался с ней порвать!

Джейк запечатлел на ее щеке мокрый поцелуй и взял ее за руку.

– Эй! Ты ничего такого не сделала. Как это тебе вообще пришло в голову? Не надо расстраиваться.

– Тогда в чем дело? Скажи мне.

– Да вот все думаю о том, что сказал Мозг. Все выходные не могу выбросить из головы. Что все, что я делал до сих пор, чтобы что-то изменить, – всего лишь игра.

– Вечно ты о монстрах! Неужели нельзя для разнообразия поговорить о нашем мире?

– Наш мир – как раз то, что меня беспокоит.

– Какой мерзкий грубиян этот шериф, – сказала Салли.

Джейк обернулся и посмотрел на нее.

– Эй, Сал, ты весь день ходишь бледная как привидение. С тобой все в порядке?

– Я не хочу об этом говорить.

– Что, твой папан тоже на тебя наехал?

– Я сказала, что не хочу об этом говорить, – процедила она.

– Хорошо, хорошо, господи... Извини, что спросил.

– А слухи-то уже пошли, – заметил Трой. – На меня сегодня весь день как-то странно посматривают.

– Мне наплевать, как на меня смотрят, – отозвался Джейк.

– Кто бы сомневался. Только не забывай, что нам здесь еще жить.

– Только подумать: нас наказывают за то, что мы говорили с ними, а они всего только и сказали, что от нас никакого толку, – пожаловалась Мишель.

– Нас наказывают? Смеешься? – спросил Джейк. – Подумай о том, как их наказывают каждый божий день! Все, что рассказывал Мозг, – чистая правда, мы все это знаем.

– Это правда, – подтвердила Салли. – До последнего слова.

Мишель ответила раздраженным вздохом:

– Ой, да ладно вам! В некоторых странах люди действительно охотятся на чумных, загоняют их в леса. Их отстреливают, как животных, они живут, как животные. Но не в Америке! Эти ребята из Дома должны радоваться, что им дали три метра площади и кровать. Их там даже обучают, как в нормальной школе!

Джейк покачал головой.

– Я говорил совсем не о том.

– Что ж, прости меня за то, что я всего лишь хочу покоя и тишины! Меня посадили под домашний арест, похоже, до конца года!

– Мне кажется, Мишель права по крайней мере в одном, – вставила Эми. – Покоя и тишины без этих ребят действительно гораздо больше. Лучше бы нам не иметь с ними дела.

– И ты туда же, – сказал Джейк.

– Не делай вид, что удивлен. Ты и так знаешь мою позицию. Я просто хочу жить нормальной жизнью и не зависеть от мира. Все устроено так, как оно есть, по определенной причине, и не в нашей власти это изменить.

Эми вспомнила, какими странными были чумные дети. Насколько невозможным казалось их существование в реальном мире. Какой ужас она испытала, когда они узнали ее. «Кузина», – назвал ее тот, похожий на собаку. Это напугало ее, и не только потому, что он едва не выдал ее секрет, который мог разрушить всю ее жизнь. Она испугалась, потому что когда мальчик-пес назвал ее кузиной, в какой-то момент она не знала, на что она похожа. Она боялась, что вся ее красота может разом исчезнуть, раскрыв людям ее отвратительную, чудовищную сущность; что отныне ее можно будет только жалеть или ненавидеть, и ей придется навеки поселиться в Доме.

Тем больше причин держаться от них подальше. Парень-горилла тоже увидел, кто она такая, но не стал ее выдавать, и, видимо, теперь она у него в долгу. Но в целом Эми желала держаться от этих детей как можно дальше.

– Эй, монстролуб! – окликнул чей-то голос.

Ребята повернулись; к ним приближался Арчи Гейнс. Свой рюкзак он бросил на траву. По обеим сторонам от него шли Эрл Кимбрел и Дэн Фулчер.

– Боже, – проговорил Джейк. – Не тараканы, так клопы!

– Говорят, вы устроили неплохую вечеринку с этими уродцами?

– Твой папаша там тоже был, – подначила его Мишель. – Он так их любит, что даже работает с ними. Я видела, как он поцеловал одного в губы!

– Ты лучше не лезь. Я говорю с этим вот монстролюбом. Мистером Крутое Яйцо. Который сейчас получит по яйцам.

– Я не собираюсь с тобой драться, – сказал Джейк.

– То есть ты еще и трус? Я постараюсь, чтобы все об этом узнали. Джейк Кумбс – монстролюб и трус!

Джейк широко раскрыл глаза, словно бы выцветшие в сгущающейся атмосфере потенциального насилия. Эми дотронулась до его руки.

– Пойдем, малыш. Возьмем себе по кока-коле.

– Минутку. – Он стряхнул ее руку.

Арчи засмеялся.

– Давай, иди, пей свою кока-колу. Педик!

Эми устремила на него самый гневный из своих взглядов.

– Будешь так себя вести, Арчи Гейнс, и я расскажу всем девочкам в школе, кто ты есть на самом деле: никчемный мерзкий задавака, с которым ни одна уважающая себя девушка не захочет связываться!

– Ты бы лучше не лезла куда не просят. Не думай, что если ты хорошенькая, то это значит, что ты королева. Королевы не зависят с педиками.

Джейк, хмурясь, смотрел в землю. Его губы слегка шевелились, словно он решал в уме математическую задачку. Потом он кивнул:

– Ну ладно.

– Что ладно? Ты согласен, что ты педик? – спросил Арчи. Эрл и Дэн расхохотались. – Этот черномазый, часом, не твой дружок?

– Не ведись, – сказал Трой. – Пойдем отсюда.

– погоди, – сказал ему Джейк.

Он подошел к Арчи, который смотрел на него с широкой ухмылкой.

Джейк ударил его прямо в лицо.

Эми мигнула. Арчи уже сидел на земле, держась за нос. Послышались возгласы. Никто не ожидал такого оборота.

– Ублюдок! Ты меня ударил! – верещал Арчи, словно резаная свинья.

Не меняя боевой позиции, Джейк повернулся к двоим остальным. Те попятнулись.

– Привет, Эрл.

– Привет, Джейк.

– Дэн.

– Привет, как дела?

Ни один из них не хотел получить так же, как Арчи. Джейк наклонился к нему и заглянул в глаза, массируя разбитые костяшки.

– Хочешь, Арчи, поднимайся, и я дам тебе ударить меня в отместку. Но только после этого я буду делать с тобой все, что захочу. Так долго, как захочу. Тебе нравится такая идея?

Арчи ответил ему мрачным взглядом.

– Нет, я закончил.

– Я ударил тебя не за то, что ты назвал меня монстролюбом и педиком. Я ударил тебя за то, что ты сказал это так, будто в этом есть что-то плохое. Как будто ты знаешь, о чем говоришь. Это понятно?

Мальчик не отвечал, сжимая нос окровавленными пальцами.

– Я спросил, – повторил Джейк угрожающим тоном, – понятно ли тебе то, что я сказал?

– Да. Да, мне все понятно.

– И еще я ударил тебя за то, что ты грубо разговаривал с моей девушкой и моими друзьями. Ты должен перед ними извиниться.

– Прошу прощения, – пробормотал Арчи.

– Все в порядке, – отозвалась Эми. – Давайте покончим с воплями и драками.

– Если ты еще раз позволишь себе что-то подобное, я тебя изобью, – сказал Джейк. – Изобью так, что ты сам будешь похож на одного из них. Ты будешь жить вместе с ними в Доме до конца своей жизни.

– Я сказал, что все понял! Оставь меня, наконец, в покое!

– Хорошо.

Джейк пошел прочь с таким унылым видом, словно это он получил трепку. Друзья догнали его и пошли рядом. В походке каждого ощущалось немного больше уверенности, чем прежде.

Эми снова взяла его за руку.

– Что с тобой?

– Так глупо, – отозвался Джейк. – Когда-то мы с ним вместе лазили на деревья. Летом после третьего класса мы были лучшими друзьями. Ловили саламандр...

– Не могу поверить, что ты его ударил, – признался Трой, покачиваясь на носках ног. – Я думал, ты не будешь ничего делать. Ты выглядел таким испуганным!

– Я и был испуган. Только сумасшедшему может нравиться бить других.

– Он не оставил тебе выбора, – утешила его Салли.

– Выбор всегда есть. Иисус говорил: подставь другую щеку.

– Время от времени плохие ребята тоже должны подставлять щеки.

– Может, и так, – отозвался Джейк, хотя, судя по его виду, он все еще сомневался, что поступил правильно.

Трой просиял широкой улыбкой:

– Как ты его! Бах! Просто подошел и вмазал ему по носу!

– Я не хочу больше об этом говорить, Трой.

– Конечно, конечно. Но шипучку покупаю тебе я! Любую, какую захочешь!

Эми ничего не сказала. Она по-прежнему держала потную ладонь Джейка в своей, но больше старалась ничем не подчеркивать свое присутствие. Украдкой она бросила взгляд на его озабоченное лицо. Его губы продолжали слегка шевелиться, словно он все еще решал ту математическую задачку, вертя ее в уме снова и снова, чтобы удостовериться, что нашел правильный ответ.

Мимо, библикнув, прогрохотал грузовик. Ребята помахали ему. Несмотря на несколько грубоватый нрав, Хантсвилл был дружелюбным городком. Пять тысяч людей, которые всего-навсего хотели прожить свою жизнь не хуже других. Еще десять тысяч на фермах и ранчо за городской чертой. Они создали здесь свой уклад, который им хотелось защитить. Сообщество людей с одинаковым взглядом на жизнь. Эми ужасно хотелось хоть как-то участвовать во всем этом. Влиться в поток. Жить нормальной жизнью. Быть нормальной, как все остальные.

Она представила: вот Джейк принимает ее такой, какая она есть. Они женятся в церкви, с большой церемонией, его папа отправляет службу, Салли – ее подружка, Трой – его шафер. Все счастливы и улыбаются. Потом они покупают себе дом и обустраивают его как полагаются. Иметь детей они не могут, поэтому усыновляют замечательных нормальных малюток. Эти малютки растут здоровыми и невредимыми, пока не достигают возраста, в котором сами могут попытаться получить от жизни самое лучшее. Они с Джейком старятся и живут вместе до самой смерти и умирают счастливо, зная, что прожили достойную жизнь.

Порой она почти верила в это сама.

Эми сжала его ладонь:

– Я хочу сказать тебе кое-что важное.

– Что?

– Я тоже тебя люблю, Джейк Кумбс.

Глава двенадцатая

Дом гудел как пчелиный улей. Чумные детишки заканчивали завтракать и вываливали наружу, направляясь к грузовикам. Дэйв Гейнс прохаживался среди уродов, чьей жути хватило бы на целую жизнь кошмарных сновидений, но теперь он едва их замечал. Когда он начинал работать в Доме, то даже предположить не мог, что когда-либо привыкнет к чудикам, однако вот, пожалуйста. Привыкнуть можно почти к чему угодно.

Гейнс двигался настороженно, осознавая, что директор Уиллард смотрит на них сверху из окна на втором этаже. Тонкогубая улыбка, впалые щеки, редкие белые волосы, зачесанные на лысеющий череп. Директор не шевелился, словно кто-то водрузил там наверху чучело; лишь глаза двигались из стороны в сторону, подмечая все. Дети звали его Большим Папой, учителя – просто полковником. Прежде он командовал войсками во Вьетнаме: задавал желтозадый перцу в шестьдесят седьмом, на Центральном плоскогорье.

Чудики передвигались медленнее, чем обычно, уходили писать и торчали там так долго, как только могли, не обращая внимания на надрывавших глотки учителей. Этим утром среди детей царило угрюмое и раздражительное настроение. Они уже прослышали о том, что произошло с Тоби в Дисциплинарной. Полковник отделал его на славу, но перестарался. У старика за плечами были годы практики, чтобы уяснить, насколько далеко он может зайти, делая чудикам больно, прежде чем пациент умрет или получит невосполнимые увечья. В это воскресенье, однако, он не рассчитал своих усилий. Тоби умер у него в кресле.

Придурочный паренек, которого все звали Засада. Лицо в форме топорика, узкая самодовольная ухмылочка и два торчащих по сторонам глаза, перекатывающихся в глазницах. Такая конструкция позволяла ему видеть во всех направлениях, словно какой-нибудь ящерице. Парни говорили, что с такими глазами его невозможно застать врасплох. Как-то раз они попробовали напасть на него из засады, потом стали повторять попытки по крайней мере раз в пару месяцев. Ни одна не увенчалась успехом. Так он получил свое прозвище.

А потом Засада начал проделывать то же самое с ними. Он взял себе в привычку подкарауливать других чудиков, стоя за каким-нибудь углом, и валить с ног сильным ударом. Драки были запрещены в Доме, но Уиллард терпел их до определенных пределов. Однако Засада, раз начав, уже не мог остановиться. У него накопилась куча неоплаченных счетов, по которым он жаждал расплаты. Он стал регулярным нарушителем дисциплины. А регулярных нарушителей заносили в список и отправляли в Дисциплинарную.

Самое странное было то, что его удар поджидал жертву еще до того, как она появлялась из-за поворота. Ты шел себе по своим делам, и вдруг бац! – кулак вылетал тебе в лицо словно бы ниоткуда. Он бил только маленьких, более слабых чудиков. Каким-то образом он знал, кого можно бить. И когда. Как будто мог видеть из-за угла.

Теперь Гейнс никогда не узнает, как он это делал. Сердце Тоби отказало, когда он сидел в дисциплинарном кресле.

Впереди ждала куча бумажной волокиты. Может быть, расследование. Затем, вероятнее всего, мягкий выговор – если какой-нибудь доброхот из Бюро не захочет устроить бучу, чтобы сделать себе имя. Строго говоря, им не позволялось применять к детям силу, за исключением случаев, когда те, цитируя буквально, «представляли непосредственную угрозу жизни или здоровью сотрудника».

По всей видимости, Уиллард уже списал происшествие на несчастный случай. Сломал пареньку шею и занес в отчет, что тот упал с лестницы. Никакого вскрытия все равно не предвидится; тело доставили прямиком в крематорий при морге. Если бы Бюро прислало к ним полевого агента, полковник вызвал бы к себе Гейнса и Боуи вместе, чтобы они могли согласовать свои истории.

Гейнсу было глубоко наплевать на дебильного уродца, но и смерти ему он тоже не желал. Тем не менее он был готов подыграть, если надо будет покрывать директора. Не сделать этого означало самому оказаться под ударом. Потерять работу или, еще хуже, самому оказаться подставленным, быть обвиненным в убийстве и провести остаток своих дней в стенах тюрьмы штата в Рейдсвилле.

Открыв задний борт машины, он принялся загружать в кузов свою ораву.

– Давайте забирайтесь. Не торопитесь, я никуда не спешу.

Он выудил ключи из кармана джинсов, завел грузовик, выпростал одну волосатую руку за окошко. Тем временем к нему неторопливо подошел Боуи.

– С утречком, Рэй! – приветствовал его Гейнс.

Тот оперся ладонями о металлический кожух машины и наклонился к нему.

– Так ты вчера сказался больным, э?

– Угу, – буркнул Гейнс.

– Отчего заболел? Не от той самогонки, которую мы приговорили после того, как чудик откинул копыта?

– Может, и от нее.

– Слушай, не делай так больше. Мне пришлось весь день пасти твоих парней, а у меня своя шобла на руках. Мне не платят надбавку за дополнительную работу. Так что за тобой должок.

– Может человек заболеть?

– Может. Он может вообще устать от такой работы.

– О чем ты? – встревожился Гейнс. – Почему ты это сказал?

Боуи наклонился ближе.

– С одним из наших парней приключился несчастный случай, а на следующий день тебя нет на рабочем месте. Это плохо выглядит. От таких вещей старикан начинает сильно беспокоиться.

– Он тебе что-нибудь сказал?

– Ну ты же знаешь полковника. Он много не говорит, но ты всегда понимаешь, что у него на уме.

– М-м, верно, – признал Гейнс. – Как-то я об этом не подумал.

– Может, ты был слишком занят? Боролся со своей совестью?

– Проклятье! Ничего подобного. У меня есть и другие заботы.

– Какие это? – спросил Боуи. – Возможно, я мог бы тебе помочь?

– Такие, которые тебя не касаются.

– Просто не забывай, что мы с тобой в одной лодке, приятель.

Гейнс дернул рычаг передачи.

– Знаешь что, Рэй, шел бы ты куда подальше!

Грузовик рывком стронулся с места, и Боуи отпрыгнул. Гейнс бросил взгляд на окошко во втором этаже: старик стоял, уставившись прямо на него. Живот Гейнса превратился в кисель. Продолжая чувствовать на себе пристальный директорский взгляд, он вылетел со двора, вздымая веер разлетающейся грязи.

– Ох, боже мой! – простонал он.

Конечно, он вчера свалил дурака, когда сказался больным. Стоило бы сообразить, к чему это приведет. Вот точно так же он получил по башке доской, еще когда был совсем щенком, и остался на всю жизнь с кривым глазом. Именно поэтому его бросила жена, оставив в одиночку воспитывать маленького Арчи. Именно поэтому он в итоге оказался в Доме, рядом с бывшими уголовниками и наркоманами. Не потому, что много пил или проигрывал в карты свое жалованье, ничего подобного. Он вечно оказывался в дерьме из-за того, что ему не хватало смекалки

вовремя понять, куда ветер дует, и постоять в тихом уголке. Жизнь обходилась с ним круче, чем он того заслуживал.

Он вывернул на Двадцатое окружное и вдавил педаль газа. Древний «шевви» заворчал в ответ. Гейнс не оставлял в покое пыхтящий грузовик до тех пор, пока не добился от него приличной скорости и не проложил безопасное расстояние между собой и пугалом, торчащим в окне второго этажа.

Всего лишь пять минут езды до поворота на ферму. И еще пять – до жилища Элбода.

Он несся как бешеный, понимая, что дальше будет только хуже.

Элбод. То, что было причиной его мнимой болезни.

После того как у Засады отказало сердце, Уиллард тут же отправил их с Боуи по домам. Гейнс вел машину в полнейшем расстройстве. Алкоголь в его крови скисал от мрачных мыслей. «Нет, это ж надо было – взять и прикончить этого маленького засранца! – бушевал он. – На хрена ему понадобилось заходить так далеко?»

Что за бардак! Одно дело – дисциплина, это дело стоящее, иначе чудики совсем отобьются от рук. Но убийство! Гейнс вдруг понял кое-что, о чем знал всегда, но до сих пор не осмеливался даже подумать открыто: старику нравилось этим заниматься. Гейнс ни разу не видел, чтобы тот потел, за исключением моментов, когда он обрабатывал в кресле одного из чудиков. Большие вонючие пятна пота под мышками его рубашки. Единственная лампочка, свисающая с потолка. Абсолютно пустая комната, не считая кресла и стальной раковины.

Беспокойство преследовало его до самого дома, где он протрезвел и принялся думать о Салли Элбод. О том, что возможно, он неправильно оценил ситуацию. Что в данный момент она, может быть, выплакивает свои прелестные глазки на плече у своего папочки. Что, вполне может статься, его песенка уже спета, хотя он об этом еще не знает. Приедет он в следующий раз на ферму, а там Элбод уже встречает его с дробовиком под мышкой, и в обоих стволах по двойному заряду. Вот он пытается как-то отговориться: «Ты же понимаешь, девчухи в ее возрасте, они такие. Они любят устроить людям веселую жизнь. Это святая правда, Реджи! Прямо как в Библии. Для них любое слово – целая драма, как в телевизоре».

И так он будет молоть языком, пока перед ним не разверзнется могила, потому что он никогда не умел понимать, куда дует ветер, и вовремя отойти в тихий уголок.

Он сказался больным и провел весь день, слоняясь вокруг своего трейлера и берясь то за одно, то за другое. В этот момент он действительно был болен – болен от страха. Он был так напуган, что почти не заметил, когда Арчи вернулся домой с разбитым носом и направился напрямик в свою комнату. Но сегодня он не мог снова притвориться, что болен. Нужно было давать ответ – или увольняться с работы.

Своей мнимой болезнью он всего лишь на день отложил наказание и при этом возбудил подозрения у директора Уилларда. Человека, чьи подозрения не стоило возбуждать ни в коем случае.

О боже мой, подумал он. Как это все несправедливо!

Рванув рулевое колесо, он резко вывернул на дорогу к ферме, подняв облако пыли. Чудики уцепились за борта, чтобы не вывалиться. Сейчас Гейнс по-настоящему им завидовал. Неплохо, наверное, быть чудиком. Ни о чем не надо думать, обо всем уже подумали за тебя. Трехразовое питание, крыша над головой – и ничего не надо выбирать. Ни о чем не надо беспокоиться. Просто делай то, что написано в правилах, и с тобой не случится ничего хуже того, что случается со всяким.

Гейнс заехал на двор фермы и припарковал «шевви» в сторонке.

Фермер стоял на веранде дома, куря самокрутку.

– Отличное утречко! – крикнул ему Гейнс с наигранным весельем. – Не так ли, сэр?

– Привет, Дэйв.

– Как дела? Все в порядке?

– С чего им быть не в порядке?

– Да так, ничего особенного. Просто решил поболтать. Ты составил для нас список?

– В моем списке только одна вещь: куча хлопка, который необходимо поскорее убрать. Правда, Джордж мне нужен в другом месте. Одна из телок собирается разродиться, так что отправь его в хлев. А Эдварда – на огород, на хлопке от него нет никакой пользы.

– С этим полем будет покончено к концу дня, Реджи! Ты беспокоился из-за Мэри, а она оказалась лучшей в команде. Я же говорил, что обучу ее как следует!

– С тем полем было покончено еще вчера. Пока ты валялся с соплями, Боуи его доделал. Я пошлю тебя на другое поле, цветные работают слишком медленно.

– Без проблем! – отозвался Гейнс. – Мы с ним мигом управимся, ты и чихнуть не успеешь.

Несколько мгновений Элбод разглядывал его. Гейнс вытащил платок и утер пот, не переставая улыбаться. Наконец фермер покачал головой.

– Ну ладно. Идите, пожалуй, принимайтесь за дело.

Гейнс уже ухмылялся во весь рот:

– Давайте, ребята! Вы слышали, что сказал начальник. Вылезайте из кузова! Мешки в сарае. И возьми один для меня, Енох, я сегодня тоже собираюсь поработать.

– Хорошо, сэр, – отозвался Пес.

– Джордж, ты слышал мистера Элбода? Ты сегодня идешь к скотине.

– Да, мистер Гейнс.

Учитель окинул взглядом дом. Никаких признаков мисс Салли. Может быть, он успеет взглянуть на нее, когда она отправится в школу. Может быть, даже подмигнет – даст понять, что он о ней помнит.

Она не рассказала папочке о том, как он к ней подкатывал. Это могло означать только одно: он был прав. Она действительно его хочет.

То, о чем они говорили, останется их маленьким секретом.

Дарлин сбежала от него много лет назад, оставив его с Арчи на руках. После этого он обнаружил, что не так уж много девушек жаждут встречаться с человеком, который работает в Доме. Они намекали, что он может оказаться заразным. Они считали, что учить чудиков – работа грязная, пригодная только для грубых людей. Вот Гейнс и решил, что если он малость пошалит с Салли Элбод, то это будет как раз то, что нужно, чтобы добавить немного перчика в его жизнь.

Но теперь он видел картину в полном объеме. Зачем ему перец, если можно заполучить весь бифштекс целиком!

Салли была его пропуском на свободу, прочь из Дома. Возможностью сойти с темной дороги полковника. Спасением от чудовищных детей с их хлещущими хвостами и перепончатыми крыльями на месте ушей. План полностью составилась в его голове. Он подсадит девчонку на крючок. Где-нибудь годик такой жизни, а потом они поженятся. Между ними пропасть лет разницы, но это не то чтобы совсем неслыханное дело. Такое случается. Что до Элбода, он и сам уже далеко не молод. Он наймет Гейнса на постоянную работу на своей ферме. Гейнс поселится в этом прекрасном большом доме, под одной крышей со всеми этими симпатичными белокуроыми девчушками. Наконец-то он будет иметь дело с серьезными людьми! Благодаря Салли Элбод исполнятся все его мечты.

Наконец-то, в кои-то веки в своей унылой жизни, Гейнс чуял, куда дует ветер.

Глава тринадцатая

Салли шла в школу позади своих сестер. Обычно она спала допоздна, но сегодня постаралась встать как можно раньше, чтобы пойти вместе со всеми. Девочки болтали о школе, о мальчиках, о музыке. Она не участвовала в разговоре, держась как можно незаметнее. Каждый раз, когда по пустой дороге проезжал грузовик, она вздрагивала и опускала взгляд к своим кроссовкам, хрустящим по камешкам. Сейчас Салли не хотелось даже смотреть на Дэйва Гейнса. Как он ее перепугал тогда, в воскресенье! Ей две ночи подряд снились кошмары.

В последнем сне он появился в ее спальне, воняя пивом. «Отлично выглядите, мисс Салли! Как насчет немного подзаработать, э?» Она знала, что, если попытается сбежать, его рука выхлестнет, словно змея, и схватит ее. Занавески вздымало ветром, в открытом окне стояла ночь, черная, как смола. Она могла бы пойти на риск и выпрыгнуть, но ее тело не двигалось. Она лежала, словно прикованная к постели.

И в этот момент он дотронулся до нее. Его горячее дыхание обожгло ей шею.

Салли проснулась, хватая воздух ртом, чувствуя в груди сокрушительную тяжесть. Она заметалась, брыкаясь и путаясь в простынях. Ее ночная сорочка взмокла от пота. Выбравшись из постели, Салли пошла в ванную попить воды, плача от унижения.

Она не выпрыгнула. В конце концов она позволила ему овладеть собой.

Можно было рассказать все папе и покончить с этим делом. После того как папа поговорит с этим извращенцем, тот даже мочиться не сможет без костылей. С Реджи Элбодом и его родней лучше не шутить – эта простая истина в их округе практически имела силу закона. Однако тогда Салли придется объяснять, что она делала в Доме. Шериф Бертон мог проговориться, что она играла с ребятами в уродские лица.

Хрупкое равновесие было нарушено, и все вокруг превратилось в хаос. Папа души не чаял в ней и ее сестричках, но когда он устанавливал какое-либо правило, его следовало почтить как одну из Божьих заповедей. Ни о каком бунте не могло быть и речи. Одной-единственной фразой папа мог изменить всю ее жизнь. Лишить ее свободы, друзей, всего, что у нее было.

Нет, папе ничего говорить нельзя. В этом деле Салли придется действовать одной.

Придя в школу, она запихнула рюкзак с учебниками в свой шкафчик и направилась в классную комнату. К ней сбоку пристроилась Эми.

– Ты выглядишь так, словно несешь на плечах все горести мира, – заметила она. – Что-нибудь случилось?

Салли попыталась улыбнуться ей, но вышла лишь мучительная гримаса. Ей хотелось быть с Эми откровенной, но это было невозможно. Эми могла рассказать кому-нибудь еще, а те – своим родителям. Если папа услышит о том, что к ней клеился мистер Гейнс, от кого-то другого, помимо нее самой, он может решить, что она это поощряла. Может даже подумать, что они крутят роман за его спиной. Тогда расплачиваться придется всем, и цена будет адски высокой.

– Все нормально, – ответила она. – Ты и сама какая-то взвинченная. У тебя все хорошо?

– Даже не знаю. Джейк немного не в себе с тех самых пор, как он ударил Арчи.

– Ну он же не переносит насилия. Его бесит, что ему пришлось самому прибегнуть к таким средствам.

– Терпеть не могу, когда он такой отстраненный. Я тогда вообще не знаю, как он ко мне относится. Вчера на уроке гигиены я делала большую растяжку, так у Роба Роуланда глаза чуть не вылезли сквозь эти его толстенные линзы. А Джейк даже внимания не обратил!

Салли рассмеялась.

– Да, должно быть, у него действительно тяжело на душе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.